

Л. И. Капуста

Первый российский курорт МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ

ПЕТРОЗАВОДСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
PERIODIKA
2019

УДК 615.8
ББК 53.54(2Рос.Кар)я91
К 20

Издано за счёт средств бюджета Республики Карелия.

12+

Капуста, Людмила Иосифовна.
К 20 Первый российский курорт Марциальные Воды / [Капуста Людмила Иосифовна]. – Петрозаводск : Периодика, 2019. – 128 с. : ил. – Автор указан перед выпускными данными. – 500 экз. – ISBN 978-5-88170-347-9.

История Карелии тесно связана с преобразованиями Петра Великого. В последние пять лет своей жизни Петр I посетил этот край четыре раза. В ходе судьбоносной Северной войны именно здесь он основал первый российский курорт Марциальные Воды, отмечающий 300-летний юбилей. Автору книги – историку Людмиле Капуста удалось обобщить и проследить историю курорта Марциальные Воды в течение трех веков. Книга носит научно-популярный характер и будет интересна как специалистам, так широкому кругу читателей.

УДК 615.8
ББК 53.54(2Рос.Кар)я91

ISBN 978-5-88170-347-9

© Капуста Л. И., 2019
© Кириллов Р. В., обложка, 2019
© Издательство «Периодика»,
оригинал-макет, 2019

Научно-популярное издание

Капуста Людмила Иосифовна

Первый российский курорт МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ

Иллюстративные материалы предоставлены автором книги

Оформление обложки **Р. В. Кириллов**, корректор **А. А. Чубурова**,
компьютерная вёрстка **Н. Г. Молокова**

*На титульном листе изображены алхимические знаки железа и воды.
Их сочетание является символом «воды под знаком Марса» (марциальной воды).*

Подписано в печать 22.07.2019. Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 10,0. Тираж 500 экз.
АУ РК «Издательство «Периодика», 185035, г. Петрозаводск, ул. Германа Титова, д. 3
e-mail: periodika@rkperiodika.ru www.rkperiodika.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Колор-Принт», 432063, г. Ульяновск, ул. Ленина, 75

Дорогие читатели!

В ваших руках издание, посвящённое первому российскому курорту, гордости нашего края – Марциальным Водам. В 2019 году исполнилось 300 лет, как на карельский источник приехал лечиться Пётр Великий, немало сделавший для его популяризации среди россиян.

Автор книги – сотрудник Национального музея Республики Карелия, историк Людмила Капуста, в своём исследовании, основанном на многочисленных архивных материалах, проследила сложный путь первого российского курорта от поездок Петра I до наших дней.

Книга будет интересна историкам, преподавателям, туристам – всем, кого интересует история Карелии.

**Глава Республики Карелия
Артур Парфенчиков**

ВВЕДЕНИЕ

Первый российский курорт Марциальные Воды был открыт в 1719 году в Олонецком крае на базе источника лечебной железистой воды. Открытие минерального лечебного источника в глубинной Карелии было неслучайным: именно здесь с начала XVIII столетия быстрыми темпами развивается горнозаводская промышленность, один за другим строятся государственные предприятия по производству пушек и боеприпасов для обеспечения петровского флота и армии. В эти же годы в крае ведется активная работа по разведке новых месторождений руд и минералов.

Открытие источника состоялось в 1714 на одном из многочисленных карельских болот под названием Равдсуо (что переводится как «Железное болото»), где добывалось сырье для Петровского и Кончезерского заводов – болотная железная руда. После первой поездки Петра I и его успешного лечения в 1719 на болоте Равдсуо строится первый в стране курорт, получивший название от богатой железом («марциальной») воды.* Петр I четыре раза выезжал сюда на лечение, олонечские воды помогали ему в последние годы жизни восстанавливать здоровье и продолжать активную государственную деятельность. Царь рассчитывал на дальнейшее развитие курорта, привлечение к «лечению на водах» нуждающихся в этом граждан всех сословий.

В 1743 бывший «архиатр» (придворный врач) императрицы Анны Иоанновны доктор Иоганн Ригер обнародовал в Гааге сведения о двух главных медицинских сенсациях России петровского времени. Первой был сообщенный Петру I секрет бальзамирования по системе доктора Рюйша. Второй – «секрет» олонечских марциальных вод (их химический состав по исследованию доктора Л. Л. Блюментроста Ригер приписал себе).

Многочисленные пациенты первого российского курорта вслед за Петром I получили «облегчение от многих заболева-

---

* Считалось, что железо находится под покровительством Марса; отсюда марциальная (богатая железом) вода.

ний» на водах неподалеку от одного из пяти Олонецких Петровских заводов, построенных в начале XVIII века, – Кончезерского.

Связь местонахождений целебных «колодезей» со вкусом железа с «железными пожнями» рудных болот, разрабатываемых местными крестьянами для металлургических заводов, стала очевидной уже первым исследователям минеральных источников.

Первому курорту страны посвящено немало упоминаний и отдельных статей краеведов и историков. Исследователи петровской эпохи, начиная с И. И. Голикова, опубликовали ряд документов об истории открытия кончезерского источника, пребывании царя на водах. Историки российской медицины назвали имена врачей – первых исследователей минеральных источников. Большое количество публикаций о поездках царя «на Олонец» появилось в XIX веке, особенно в связи с 200-летием со дня рождения Петра I. Авторы (начиная с Игнатия, архиепископа Олонецкого) открывали новые подробности пребывания Петра I на лечении, публиковали материалы, касающиеся строительства курорта, из столичных архивов. В XX веке краеведы и историки в основном повторяли выявленные предшественниками материалы. Новые факты о марциальных водах появились лишь в исследованиях Н. И. Павленко и А. М. Пашкова.

Данная работа является попыткой – на основе опубликованных и выявленных автором новых архивных материалов – обобщающего исследования по истории первого российского курорта.

КОНЧЕЗЕРСКИЙ ЗАВОД В XVIII ВЕКЕ

Кончезерский завод со времени основания (1707) выделялся из всей группы Олонецких Петровских заводов. Первоначально это был небольшой медеплавильный завод, тогда как другие четыре предприятия занимались плавкой чугуна, изготовлением железа и продукции из них. Несколько позже на этом заводе существовали два производства: плавка меди и плавка чугуна (а также производство железа). Это предприятие, в отличие от остальных петровских заводов, с небольшими остановками работало почти два столетия. Вероятно, Кончезерский завод был оставлен действующим (после сворачивания деятельности и закрытия других Олонецких Петровских заводов в 1720-е) для поддержания или, так сказать, обеспечения инфраструктуры первого российского курорта, находившегося всего в девяти верстах от него. Заводу отводилась организующая роль в строительстве и развитии курорта, обеспечении его необходимыми материалами.

Кончезерский завод, как и многочисленные вододействующие предприятия этого периода, был построен на небольшой реке Викше между двумя озерами с перепадом воды в восемь метров. От реки были проведены русла к плавильне и толчее, к домне и молотовой. Водяное колесо приводило в действие толчею с шестью пестами на одном валу – для измельчения медной руды. Очень удобным для завода было наличие месторождений медных и железных руд в непосредственной близости от предприятия, что позволяло при истощении запасов тех или иных руд менять профиль производства. С 1707 при заводе добывали медную руду, с 1708 началась добыча железной. Кончезерский завод был связан с Петровским, для которого поставлял свою продукцию, удобной озерно-речной системой. В первые годы на заводе работало около 50 работников (11 мастеров и до 40 горных учеников). Часть мастеров перешла сюда с закрытого в 1706 Падмозерского медеплавильного завода в Толвуйском погосте. В 1708 по выбору царевича Алексея Петровича 50 молодых подъячих были отправлены на олонецкие заводы,

из них 15 – «к медному делу в ученье» на Кончезерский завод. В 1711 число учеников возросло до 27. В 1718 на заводе работали три саксонца: Циммерман, Шонфиндер, Бляшмит.

Рядом находились деревни со смешанным, но преимущественно (в Мунозерском погосте) карельским населением. По указу Петра I крестьяне Мунозерского и Шуйского погостов (152 двора) были приписаны к заводу и обязаны были выполнять работы по обеспечению завода сырьем: производить заготовку руды, вывозить ее на завод, рубить лес для производства древесного угля, выжигать его на уголь и доставлять на завод, а также обеспечивать литейное производство дополнительными материалами (заготовка извести, камня, глины и пр.). Эти трудоемкие работы имели четко выраженный сезонный характер и были привязаны к особенностям местных природных и климатических условий. Многие из них старались производить тогда, когда крестьяне не были заняты сельским трудом, то есть осенью–зимой. По сравнению с другими повинностями самой легкой была вывозка руды и древесного угля к заводу, начинавшаяся после установления зимнего пути. Подводы выделялись ежемесячно: по одной со 100 дворов. Вozy с рудой были небольшими и легко проходили по зимнику, проложенному через леса, озера и болота (расстояние доходило до 200 верст). За доставку в 1720 году платили по одной деньге с воза за версту.

В этих местах были давние традиции в производстве железа и уклада. Среди местных крестьян было немало владельцев «домашних печек» для производства уклада. По указу А. Д. Меншикова от 3 февраля 1706 олонецкий уклад был объявлен «заповедным товаром» – укладные мастера достигли такого искусства, что превосходили иностранных в умении вырабатывать из болотных руд оружейную сталь. С основания Олонецких Петровских заводов их руководство стремилось извлечь максимальную выгоду из этого искусства, используя уклад для улучшения качества металла, изготавливая из него качественный штучный инструмент (так, в 1728 Петровский завод закупил у

Тимофея Евсеева из Мунозерского конца «самый добрый лабораторный уклад» по 80 копеек за пуд). По указу Петра I с 1724 года велено было брать с владельцев «ручных домен по 1 копейке с пуда».

Работа на «железных пожнях» рудоносных болот была привычной для многих приписных, дополняла крестьянский труд в условиях частых неурожаев и вымерзания хлебов. Таких неурожайных лет в петровскую эпоху было несколько, они буквально потрясали жизнь карельского крестьянина, которому, чтобы выжить, приходилось добавлять в хлеб соновую кору и мох или бежать с насиженных мест. Очень тяжелым был 1717 год, когда, как считал комендант олонецких заводов В. И. Геннин, самому существованию заводов угрожал конец, не будь крестьянам оказана помощь и сняты с них «излишние тягости». «Излишние тягости» порой не имели никакого отношения к деятельности заводов: в начале 1718, например, в приписные уезды собрались отправить на зимние квартиры драгун Нижегородского полка. Лишь сопротивление В. Геннина остановило это решение. «Драгуны и достальной их хлеб съедят», – писал он А. Д. Меншикову. Заводских в это время было на Петровском заводе свыше трех тысяч человек – с семьями, а на Кончезерском около 100. В гарантированном обеспечении мастеровых хлебом комендант Олонецких заводов В. Геннин рассчитывал на Выго-Лексинский старообрядческий монастырь, привозивший на своих судах хлеб из поволжских городов.

Рудоискатели из местных крестьян и нанятые на русскую службу иноземцы-«лозоходцы» – постоянно занимались поиском новых рудных мест – небольшие по запасам сырья рудники довольно быстро себя исчерпывали. К 1710-м годам научились определять запасы железной руды на болотах, в том числе на Кончезерском болоте: через каждые 50 сажень выкопали по яме и измерили в ней толщину рудоносного слоя. Особенно долго Кончезерскому заводу служила «медная яма», получившая название «Надежда», о которой петровские «Ведомости» не преминули сообщить, что в 1706 на

Онеге озере найдена медная руда и «есть известная надежда, что Его Величества казне будет пополнение». В 16 верстах от Кончезерского завода находился рудник «Счастье Божие», а в Мунозерском конце – «Здание Божие». Названия, присвоенные рудоискателями-иноземцами, свидетельствуют о том, что эти месторождения были достаточно большими и с ними связывались большие надежды. Из хорошей меди чеканились медные деньги. Когда «яма» уმაлялась, горнослужители отправлялись в другие «ямы» или начинали искать новые. В 1742 на поиски меди отправлялись даже в Финляндию.

Добыча медной руды в западноевропейских странах еще в XVII веке производилась так называемым огневым способом, когда жар горящего в шахте костра раскалял скальную стенку выработки и ослаблял ее настолько, что твердые частички руды отскакивали от раскаленных стен забоя. Этот способ добычи был для XVI века прогрессивным, так как позволял разрабатывать самую твердую породу, и применялся в саксонских, фрисландских и брауншвейгских рудниках. Но уже в XVII веке для разрушения горных пород стали все чаще применять порох, а затем, с углублением шахты, сантиметр за сантиметром вели работу киркой и молотом. Так добывали медную руду и на олонецких месторождениях. Работа по добыче медной руды была очень тяжелой. Вот как описывал Мунозерский рудник плавильный мастер саксонец Мартин Циммерман: «Работные люди от жгания лучины для свету и от паления патронов пороху в дыму великую терпят нужду, понеже штольн никакой еще в сторону от ямы вон не проведен, из которого б как в литье воды ниже, так и от ветра для проносу дыма была б в той работе немалая польза». Приходилось постоянно вычерпывать воду. В XVI веке на рудниках Западной Европы появились ручные насосы, а позже «швацкая машина». В России насосы стали использовать с первой четверти XVIII века. При медных рудниках Кончезерского завода работали небольшие группы работников, например, к 1720-м при яме «Надежда» имелись лабо-

ратория, обивальня медной руды, насосная изба и кузница, при рудниках Красного Наволока – четыре жилые горницы для рудокопов.

Разработка месторождений медного колчедана положила начало двум отраслям горного дела: рудодобывающей подземной работе и надземной, заключающейся в переплавке руды. На олонецких заводах плавкой меди в основном руководили иноземные мастера. Сначала руду обжигали, поддувая воздух, чтобы сгорела часть серы, затем расплавляли. Литейщики искали способы более рационального «очищения меди» (в Германии в XVIII веке серебро и медь разделяли посредством жидкого свинца). Для проб меди при Кончезерском заводе построили лабораторию, где впоследствии предполагалось вести опытную плавку «для науки артиллерийских школьников» (тех, кто учился в технической школе при Петровском заводе, открытой в 1714). Позже, в 1720, на только что построенную металлургическую лабораторию при Берг-коллегии «для обучения российского народа в рудной плавке» было добыто 500 пудов медных руд из разных ям, в основном при Кончезерском заводе, и отправлено в столицу – пробирному мастеру Вильгельму Штифту. В первые годы Кончезерский завод поставлял так называемую «медь в штыках», которую частично использовали на Петровском заводе, частично вывозили; медь была нужна и для производства стрелкового и холодного оружия, которое на Петровском заводе началось в 1707 году. К 1716 добыча меди возросла почти в 10 раз.

Долгие годы плавкой меди руководил саксонец Мартын Циммерман, во многом благодаря которому Кончезерский завод и был «заведен».

В 1701 один из крупнейших специалистов горного дела в России, выходец из Саксонии Иоганн Блиэр пригласил в Олонецкий край Вольфа Мартина Циммермана – на два года (возможно, для разведки рудных месторождений и определения местоположения новых заводов). Циммерман прослужил в России более 30 лет и стал одним из самых опытных

и знающих специалистов-иностранцев на Олонецких заводах. Сначала он вместе с И. Близром и И. Патрушевым занимался обследованием окрестностей Онежского озера, затем строил Падмозерский и Кончезерский медный и железный заводы. Вероятно, именно Циммерман впервые обследовал медную яму «Надежда» и определил возможности ее использования. Главную же свою работу – быть у плавки меди – он выполнял на протяжении многих лет на Кончезерском заводе, который по сути возглавлял. В 1710–1720-е годы В. И. Геннин использовал Циммермана для организации производства на уральских заводах, куда тот в 1724 был командирован. Принимал участие Циммерман и в строительстве курорта, заменив В. Геннина, за что получил от Петра I дополнительные к жалованью в 220 рублей 30 рублей, а в 1724 ему добавили 25 четвертей муки хлебного жалованья.

К началу 1720-х на Кончезерском заводе постепенно расширилось производство, увеличилось число работников: в 1719 сюда перенесли с Петровского завода домну для выплавки чугуна. После завершения Северной войны на Кончезерский завод было переведено и производство железа, чугуна и изделий из них. Таким образом, в какой-то мере было сохранено сложившееся производство и кадры бывших Олонецких Петровских заводов. За десятилетие, когда на Кончезерском заводе, наряду с медеплавильным производством, появился ряд новых – доменное, молотовое и дощатое, количество рабочих увеличилось в пять раз. К 1720 изменилось пропорциональное соотношение мастеровых и приписных крестьян. В 1710 оно составляло 1:2, в 1719 – 1:5. В 1710 было шесть мастеров и рабочих и 38 учеников, а на рудниках и в цехах – до 80 приписных. В 1719 мастеров имелось 30, а приписных 225 человек. В 1719 на заводе у медеплавильных дел был один мастер иноземец и два русских ученика, у горных дел – один иностранный мастер и 16 учеников, при кузнечном деле – три русских мастера, при молотовом – три русских мастера и один подмастерье, при дощатом – два русских мастера.

После смерти царя Петра и угасания курортной жизни Кончезерский завод, казалось, ждала та же участь, что и другие петровские заводы. Однако Берг-коллегия, в надежде на расширение добычи меди (возможно, в связи с монетным переделом), завод сохранила. Второе рождение медеплавильного производства на Кончезере произошло в 1726 – после исследований Иоганна Близера (в этом году он с пробирным мастером Яковом Власовым совершил длительную экспедицию для проверки сведений о новых месторождениях). Поощрялись новые находки меди: так, в 1729 крестьянину Шунского погоста Авраму Федотову, который нашел медь на своем поле, было выдано два рубля. Президент Коммерц-коллегии показал кусок самородной меди с этого поля императрице Анне Иоанновне, и она издала указ, «дабы на сие награждение смотря и другие крестьяне проискивали медных руд с радением». В 1728 на заводе было выплавлено 269 пудов меди, в последующие годы выплавка в основном возрастала (до 1733), затем, после перерыва в работе, в 1737 была возобновлена и в 1739 составила 497 пудов.

«Хотя на Олонце железо и дорогою ценою стоит, но для близости к Петербургу его не останавливать», – таково было решение Петра I после окончания Северной войны. В годы войны правительство прежде всего интересовало качество пушек и оружия, а не себестоимость металла. Берг-коллегию, в ведение которой от Адмиралтейств-коллегии в 1727 были переданы Олонецкие заводы, в первую очередь стала интересовать себестоимость их продукции. В 1732 убытки двух заводов (Петровского и Кончезерского) оценивались в 863 рубля, в 1732 – в 195 рублей. В результате в 1731 году Петровский завод по решению Коммерц-коллегии приказано было остановить (фактически закрыт в 1734), а в 1732 было принято решение и о закрытии Кончезерского. Несмотря на эти решения, полностью свернуть заводское дело на Олонце Берг-коллегия не решилась. Заводы находились недалеко от столицы, имели хорошо подготовленные кадры мастеровых, была надежда на новые месторождения свинца и меди, столь необходимой

Монетной канцелярии для передела медной монеты. В 1730-е годы было открыто несколько новых месторождений, и сохранившиеся олонецкие заводы стали базой для их разработки.

В 1732 маркшейдер князь Горчаков был отправлен Берг-коллегией для обследования Нисельгской медной ямы в Мунозерском конце. В 1737 недалеко от деревни Надвоицкой было открыто месторождение пестрой медной руды, которую начали разрабатывать в 1742. В 1745 здесь же обнаружили самородное золото (Воицкий рудник). В 1737 было открыто первое в России месторождение серебра на Медвежьем острове (недалеко от Кандалакши), куда по указанию барона Шомберга были отправлены вечные работники с олонецких заводов – «для прииску и добывания свинцовых и серебряных руд». В 1738 «из самого доброго и мягкого железа» на Кончезерском заводе выковали буры и другие инструменты для разработки серебра на Медвежьем острове. Оттуда и с Лапландских заводов барона Шомберга на Кончезерский завод привозили для переплавки свинцовые и серебрянные руды. На Кончезеро поступала также руда с Воицкого рудника.

После закрытия Петровских заводов квалифицированные мастера из иноземцев, не желавшие возвращаться на родину, пытаются организовать свои собственные предприятия. В 1720 Петр I издал манифест «О допущении иностранцев к строению и размножению рудокопных заводов», по которому владелец-иностранец должен был отдавать в казну одну десятину с прибыли. В 1731 молотовой мастер Авраам Эк, работавший на Петровском заводе, предлагает построить в Петербурге, при Охтинских пороховых заводах, предприятие по переработке железного и чугунного лома (пушечного и оружейного) для производства полосного железа – «против сибирского». Дело оказалось невыгодным, и в 1737 канцелярия Главной Артиллерии кузницу Эка закрыла.

С 1718 по 1726 годы Россия втрое увеличила вывоз железа. Именно иностранцы – владельцы железоделательных заводов – первыми из российских предпринимателей стали вывозить на западноевропейский рынок свои товары (в 1715

братья Меллеры стали продавать за границу полосное железо). Спрос на российское железо в Англии и других странах позволял рассчитывать на успех. С начала XVIII века производство чугуна и железа в Англии сократилось и металлообрабатывающая промышленность страны переключилась на переработку привозного – шведского и русского железа.

После 1719, когда русский десант под руководством Ф. М. Апраксина и П. П. Ласси, уничтожил многие металлургические предприятия Швеции (и вывоз оттуда немало оборудования и металла) для торговли русским железом сложились благоприятные условия. Геннин так писал в 1725 об этой ситуации: «Ныне в Санкт-Петербурге чужестранные купцы охотно покупают множество железа высокою ценою, доколе шведские заводы исправятся».

В 1733 Кончезерский завод просит в аренду молотовой мастер Яков Бланк*, чтобы «железо плавить и делать», «дабы со всех тех Олонецких ближних к С.-Петербургу заводов прежде собранных и обученных мастеров не отпустить». Бланк² начал службу в 1703 при Повенецком заводе молотовым работником, в 1705 был уже молотовым подмастерьем, а с 1715 по 1733 работал молотовым мастером на Повенецком, Петровском и Кончезерском заводах. В 1733 в связи с «оставлением действия оных заводов отпущен был от государственной Коммерц-коллегии по указу...» Бланк обещал значительно снизить себестоимость металла, чтобы было железо «против прежних цен дешевле» и чтобы его можно было продавать за границу. Он сделал ставку на местные традиции в производстве высокого качества металла, предполагая закупать у крестьян-промышленников большое количество кричного металла с дальнейшей переработкой его на заводе.

Коммерц-коллегия не решилась передать завод в аренду. Один из бывших петровских заводов – Повенецкий – был отдан по указу Петра I в аренду крестьянину Трофиму Кондра-

---

* Бланки были выходцами из Южной Франции, откуда семья переселилась в Саксонию. Из Саксонии, видимо, одновременно с И. Близром Я. Бланк был приглашен в Россию. Сын Якова Иоганн и внук Карл стали архитекторами.

тьеву, но дело у арендатора не заладилось, и к 1736 «завод был впусе». Коллегия заключила с Бланком договор об «управлении и надсмотрении» Кончезерского завода. По указу Сената 1734 года Бланк должен был получать 200 рублей в год, а в случае прибыли для казны его жалованье увеличивалось еще на 100 рублей. Он обязался поставлять «самого доброго железа по 45 копеек пуд на месте», не считая расходы Канцелярии Олонецких заводов. «Всеусердное старание и радение» Бланка привело к успеху.

Завод приобретал крицы от крестьян по договорам, их количество в 1730–1740-е определялось тысячами пудов, поставщиков было несколько десятков. Закупки криц производились как в окрестностях, так и в северных Лопских погостах (в 1737, например, из 130 малых криц весом в 330 пудов из этих мест было выковано 188 пудов уклада).

Бланк оттеснил возможных конкурентов в добыче и скупке качественного сырья, каковыми были предприимчивые местные крестьяне и посадские, строившие в 1730-е годы, в условиях значительного уменьшения объема производства государственных заводов, частные железоделательные предприятия.

Поставками криц по 10 копеек за пуд по договору с Бланком с 1734 занимался крестьянин Сямозерской волости Степан Алексеев владелец домницы в урочище Ганч Болото. Но когда Алексеев в 1736 решил построить свое предприятие – молотовую «об один молот» «для дела оным означенных криц железа» на берегу Нимозера с пайщиком Корнилой Мурашевым, Бланк этого не допустил, ссылаясь на близость этого места к рудным болотам Кончезерского завода. С постройкой собственного завода Алексеев становился конкурентом Бланку – ему не нужно было бы поставлять крицы на другой завод, он сам бы их стал скупать... Пришлось Алексееву в 1739 строить завод в другом месте – у Вохтозера (владельцем его становится Корнила Мурашев). Частный Вохтозерский завод поставлял в столицу высококачественное железо.

Последовал запрет и на добычу андомской глины, которую в 1748 стал добывать житель Петровского завода Арте-

мий Мурашев: шихмейстер Кончезерского завода Петр Беэр «в копке той глины ... позволения не дал» (глина использовалась для ремонта доменных печей государственных заводов уже в петровскую эпоху, в 1740-е месторождение обследовал директор Монетной канцелярии И. А. Шлаттер).

Бланк стремится также выполнять более выгодные работы: при заказах на связное и полосное железо он предпочитает выделывать связное, которого «выходит больше», и при этом «материалы не так убыточны и мастера работают прилежнее и рачительно». Бланк требует от петрозаводской канцелярии, чтобы «завсегда высылались крестьяне для выполнения заводских работ», ищет качественную железную руду. В 1735 Бланк запрашивал Коммерц-коллегию о возможности разработок железной руды на Равд-болоте, на что пришло указание поблизости от марциального колодца руду не копать, чтобы не повредить «протекание воды», а разрешено только в отдалении, чтобы «не остановить при Кончезерском заводе доменного хождения и сделания железа».

Ужесточаются и требования к дисциплине работников. В 1736 было вынесено «высочайшее повеление» о том, что «кабакам при заводах не быть», и в 1737 Бланк ходатайствует об упразднении на Кончезерском заводе кабака.

В 1734 себестоимость пуда чугуна на Кончезерском заводе была 19,4 рубля, железа – 31,4 рубля, в 1735 – 17,5 и 33. В среднем себестоимость пуда железа составляла в 1730-е – начале 1740-х годов 30 рублей, чугуна – почти в два раза меньше. Себестоимость железа у Бланка приблизилась к его себестоимости на уральских заводах, хотя чугун в связи с особенностями местных руд там обходился в четыре-пять раз дешевле. Бланк за успешную работу получает оговоренное жалованье и «без уплаты десятины».

Стремится Бланк и к расширению ассортимента готовой продукции, учитывая ее спрос на внутреннем рынке. В 1734–1737 производится чугун штыковой и литой в формы, железо, железные доски, заступы, ковши. Отливались и чугунные гири. В 1738 происходит резкое увеличение ассортимента: топоры, ковши, сковороды загибные, пильные доски

и кузнечный инструмент; а также уклад и цренные полицы. В 1737 было выплавлено 18 505 пудов и 25 фунтов чугуна, а также чугунных литых котлов и горшков и одна печь пробирная – 353 пуда. Начатое в 1738 производство цренных полиц (для последующего изготовления цренов-сковород для выпарки соли), оказалось очень выгодным: при себестоимости в разные годы от 26 до 60 копеек за пуд они продавались по 80 копеек пуд. В 1738 их выпустили 123 пуда, в 1743 – 677 пудов, в 1745 – 539 пудов. Выпускается и другая продукция: чугун штыковой и литой в формы, железо, железные доски. С 1738 за счет выпуска готовых изделий Яков Бланк добился снижения себестоимости железных изделий, за которые он отвечал в первую очередь. Это был первый за всю историю олонецких заводов успех в деле снижения себестоимости металла. Удачно была решена и проблема доставки готовой продукции в Петербург.

Металл и изделия Кончезерского завода доставляются по договоренности с олонецким купцом и петрозаводским жителем Яковом Кононовым, который с 1737 вместе с торговцем Василием Ольхиным перевозит казенное железо в столицу. Яков Кононов после гибели в 1741 Корнилы Мурашева, женатого на его сестре Степаниде, становится с родственником Венедиктом Васильевым Наумовым и зятем Мурашевой Сысоем Поповым одним из совладельцев Вохтозерского железоделательного завода. Взаимовыгодное сотрудничество Якова Коконова с Кончезерским заводом продолжалась много лет, с 1738 по 1755 он доставлял продукцию Кончезерского завода в Петербург. Металл своего завода он на принадлежавших ему судах-галиотах отправлял в столицу вместе с кончезерским.

Подряды на перевозку и торговлю железом за границей сделали Кононовых одной из самых процветающих торгово-промышленных династий Петербурга (в 1764 году сын Якова – Михаил Кононов – вошел в число 18 крупнейших купцов страны, живущих в Петербурге и ведущих заграничную торговлю).

К 1740 казна благодаря Бланку получила свыше 10 тысяч рублей прибыли. В Петербурге железо продавалось по 60 ко-

пеек пуд (у Бланка оно выходило в 1736 по 38 копеек, в 1737 – по 30). Бланк получил чин подпоручика и патент.

Можно сказать, что Яков Бланк – лучший молотовой мастер бывших петровских заводов – использовал все резервы для успешного действия небольшого металлургического и металлообрабатывающего предприятия в послепетровский период в условиях Олонецкого края. Материальная заинтересованность руководителя в расширении и совершенствовании производства, удешевление продукции за счет производства готовых изделий, ужесточение производственного режима и экономии – все это привело его к успеху. Успех предприятия Бланка был обеспечен также достаточным числом подготовленных в предыдущий период специалистов и снятием «излишних тягостей» с приписного крестьянства после закрытия основных производств бывших Олонецких заводов. Небольшое государственное предприятие невоенного профиля в середине XVIII века достаточно органично вписалось в экономику края и его соседство с частными предприятиями не подрывало их производства.

Если период убыточной работы по производству черного металла на Кончезерском заводе к середине 1730-х закончился, то в производстве меди к концу 1730-х годов убыточность возрастает. В 1741 пуд меди обходился в 23 рубля. Высокая себестоимость была связана и с большими расходами на оплату саксонским мастерам (12 иноземцев получали 1619 руб., 157 русских – 2535 руб.) и опытами по добыче серебра. Постепенно началась замена иностранных мастеров русскими, решено было уменьшить число рудничных и рабочих вдвое, повысить производительность труда и улучшить сырьевую базу. В 1742 на заводе выплавляли 490 пудов меди, израсходовав на это 7492 рубля, то есть пуд обошелся в 15 руб. 1/2 коп., а в 1743 себестоимость пуда была 6 руб. 87 коп. Кончезерский завод стал рентабельным предприятием. В 1738 медь продавали Соловецкому и Кирилло-Белозерскому монастырям по 8 рублей пуд, а в розницу – по 20 копеек фунт.

На заводе в это время имелось две доменных печи, из ко-

торых одна всегда была в ходу, в молотовой – три горна и три молота, а также одна медная плавильная печь и одна малая пробирная печка. К 1744 около 90% работников завода были из приписных крестьян в порядке принудительного набора. В дальнейшем количество работников строго регламентировалось Берг-коллегией, иногда в ущерб производству. По указу 1749 года при молотовой отменили угольного работника, после чего мастеровые заявили, что «молотовую фабрику в ход не пустили и впредь, ежели им угольный вощик на каждый горн дан не будет, в ход фабрику не пустят».

Спрос на олонеккое железо не был постоянным. К 1730 принимали и продавали металл за границу из Берг-коллегии английские купцы Вульф и Шифнер – по минимальной цене. В 1734 олонеккого железа было продано 4569 пудов, далее идет заметный рост – в четыре–пять раз, к 1742 объем продаж составлял 100 562 пуда, после чего спрос на железо упал. Главной продукцией завода остался полуфабрикат, а рынок нуждался в чем-то новом, что могли бы предложить инициативные частные собственники, заинтересованные в собственной выгоде (например, перейти к производству жести и изделий из нее. Эту нишу в 1765 попытались занять иностранные предприниматели). В 1747 надсмотрщик Еремей Дейхман сообщал, что в магазине «казенное железо и чугун лежит праздно – и надо продавать с публичного торгу в употребление охочих людей». В дальнейшем железо и чугун скапливались на складах Берг-коллегии в столице (в 1769 купцу Юдину предлагали купить 50 тысяч пудов чугуна по 7 коп. за пуд, при себестоимости не менее 15 коп.). Ассортимент массовой продукции Кончезерского завода к этому времени был недостаточен, чтобы заинтересовать потенциального покупателя. Кончезерский завод держался государственным заказом, новых инициатив после Якова Бланка предпринято не было.

Кадры Кончезерского завода в послепетровский период несколько раз пополнялись иностранными мастерами (в основном из Саксонии). Значительный процент иностранцев был характерен для тех железоделательных заводов, ко-

торыми руководили (или были их владельцами) иностранцы. Иноземцы-контрактеры обычно подписывали контракт на два-три года, после чего многие его продлевали. Как и горные офицеры, они готовы были в любой момент отбыть на другой рудник или завод. Иностранцы, нанятые на олонцецкие заводы еще в петровскую эпоху, из-за уменьшения объема работ в большинстве своем уехали к 1730-м на родину.

Подобно Мартыну Циммерману, долго прослужил на Олонцецких (и на Кончезерском) заводах шихмейстер швед Петр Беэр. Династия Беэров – одна из самых известных на российских горных заводах. Отец Петра – Венедикт – служил еще в XVII веке на Устьрецком заводе Бутенанта в Заонежье (16 марта 1724 Петр I побывал в доме свирельного мастера Ерья Венедикта Беэра, одного из старейшин горнозаводского дела в крае). Петр Беэр в 1720 был определен учеником к делу золочения эфесов офицерских шпаг на Петровском заводе. В 1722 в приезд Петра I на марциальные воды он подал прошение и получил звание оружейных дел мастера с жалованьем пять рублей в месяц и служил до 1726, затем работал на Сестрорецком заводе, а с 1735 стал надзирателем техники и заводских припасов на Кончезере. Сын Петра Иван Беэр после обучения в Инженерном корпусе был направлен в 1747 кондуктором на Колывано-Воскресенские заводы, где к 1767 дослужился до чина гитенфервалтера. В 1770-е годы он был определен на Кончезерский завод и работал при купоросном заводе управителем, отслужив в горном деле России в общей сложности свыше 40 лет.

К концу 1730-х на заводе появились новые кадры из Западной Европы: оберштейгер Бурггарт с сыном, плавильщик Рунгер, очищальщики серебра и меди – специалисты, необходимость в которых возникла в связи с открытием на Медвежьем острове месторождений серебра. В 1736 на Кончезерский завод был прислан очищальщик серебра и меди саксонец Яган Христофор Гюнтер (в 1754 он был определен на Петровский медеплавильный завод, где служил до 1769). В эти же годы на завод были присланы Август Готлуб, Фридрих Чока, Петр Пикарт, рудокопщик Вебер, кузнец Литебах. В 1738 просился в рудокоп-

щики Рихтер Пезлер, в компетентности которого сомневался представитель Берг-коллегии Пушман, проводивший освидетельствование иностранных специалистов. Тем не менее, Пезлер был допущен к службе с жалованьем 8 рублей в месяц. В этом же году с Кончезерского завода в Петербург были отосланы «за ненадобностью» саксонцы Трейбер, Гес, Пикарт. В 1741 Фридрих Чока, отслуживший на два года больше срока, просился в отечество. В 1742 при заводе было 12 «немцев», которых постепенно заменяют русские мастера. Рудокопщик Филиппа Фуса, который «при Кончезерском заводе не нужен», предлагают отправить на частный завод Иноземцева, но уже в 1746 на завод был принят бергауэром Георгий Крык – на три года с оплатой в 70 руб. в год. На заводе в 1730-е жил пастор, который обучал детей иностранцев.

Мастеров с Кончезера постоянно приглашали для консультаций и налаживания производства на другие предприятия. В 1742 барон Шомберг приглашал на свои медные заводы в Архангельской губернии плавильного мастера Лемана, в 1747 на Кольванские заводы А. Демидова просили прислать мастеров из саксонцев. К этому времени бессменного Мартина Циммермана уже не было в живых (умер в 1739). Яков Бланк вышел в отставку в 1750 по старости. Такого опыта и знания особенностей местных руд, как у этих специалистов, у вновь прибывающих иностранных горняков не было.

Кроме массовой бытовой продукции, завод выполнял заказы разных ведомств. Начиная с 1730-х, это заказы от Канцелярии от строений на железные и чугунные изделия для новых архитектурных сооружений столицы и пригородов. Комиссия присылала необходимые чертежи с комментариями, а также деревянные модели. В 1735 по указанию архитектора О. Трезини выполнялся большой заказ на изготовление железных связей к строительству Гостиного двора на Васильевском острове. В 1748 для каменного дворца в Петергофе, который собирались крыть луженым железом, необходимо было изготовить специальное оборудование из чугуна, чтобы на месте выполнить лужение («большие сковороды из

самого доброго чугуна»). В 1747 на заводе отлили чугунные фонтанные трубы разного размера с гайками и шурупами – 380 штук. Качество труб свидетельствовал фонтанный мастер Филипп Крелод.

Однако при выполнении некоторых заказов завод демонстрировал несостоятельность, так как не имел нужных специалистов. В 1748 в Воскресенском Новодевичьем монастыре по проекту архитектора В. В. Растрелли все купола и главы собора предложено было покрыть медными позолоченными плитами, а для «безопасности огненной» крышу над кельями выложить «наподобие черепицы» плитами чугунными, лужеными белым оловом. Чугунные плиты заказали на Кончезерский завод, для чего туда были посланы медные формы. После нескольких неудачных попыток выполнить заказ, стали искать опытного литейщика. Выяснилось, что никто, кроме литейного мастера Клина Максимова, работавшего еще на Петровских заводах, этого дела не знает. Максимов посчитал, что причиной неудач является «одна негодная опочная земля». В конце концов для выполнения заказа пришлось строить специальные цеха, для чего в 1752 из Петербурга был прислан литейный мастер Лаврентий Ипполитов. При заводе были построены фурмовая, палерная, лудильная и красильная фабрики, на что из императорского Кабинета было затрачено 2067 рублей 27½ копеек. После окончания работ в 1758 большая часть оборудования была вывезена в столицу. В 1762 по императорскому указу из Канцелярии от строений заказывается к Бабьему Гоню новые фонтанные трубы вместо обветшавших.

С 1740-х годов с Кончезерским заводом активно сотрудничает ассессор Монетной канцелярии И. А. Шлаттер. Шлаттера интересует плавка меди для обоих Монетных дворов и возможности изготовления оборудования для перестраивающегося в Петербурге производства Монетного двора; квалифицированные мастера олонекских заводов были весьма кстати. В 1747 вся медь с Кончезерского завода была послана на Московский монетный двор – для переделки монеты (в 1753 медеплавильное производство переводится с

Кончезера на Петровский завод, и заказы на медь отправляются туда). Шлаттер сумел быстро организовать работу переведенного в Петербург Монетного двора, где уже в 1737 в помещениях Трубецкого бастиона была налажена работа. В 1747 на Кончезерском заводе отливают чугунные плиты для мощения новых казарм Монетного двора. В 1748 Шлаттер просит прислать с Кончезерского завода в столицу пробирного мастера Попова, плавильного ученика Еремеева и других, в 1758 в Монетную канцелярию отправляют нескольких мастеровых. В 1758 было «велено для курения крепкой водки по имеющимся на Кончезерских заводах моделям вылить чугунных 12 ящиков и послать в Монетную канцелярию водным путем». В 1760 Шлаттер заказывает новые железные чаши для разделения колыванского и нерчинского золотистого серебра. В 1760 по его указанию крестьянин Шуйского погоста Яков Гаврилов занимается поставкой для лаборатории Монетного двора разных материалов. В этом же году для Монетной канцелярии было отлито 90 изложниц. В 1762 Монетная канцелярия заказывает чугунный медальный стан, затем – два стана для чеканки золотой монеты. В 1767 снова следует большой заказ Монетного департамента – на изготовление пятнадцати печек весом в 910 пудов, досок «NN 2–15» и крючьев железных – по присланным деревянным моделям. В 1772 выполняются изложницы весом в 80 пудов. В 1775 для лаборатории разделения золота от серебра было заказано 30 чаш. Сотрудничество с Монетным двором столицы продолжилось и при перестройке олонецких заводов при К. Гаскойне.

В начале 1760-х Берг-коллегия решила возобновить производство пушек в Олонецком крае. В 1761 по указу Сената из двух государственных предприятий края предполагалось оставить в действии только Кончезерский завод и начать там литье пушек и боеприпасов. К этому времени лучшие железные руды были истрачены на производство железа, а активного поиска новых месторождений не велось. Необходимы были и специалисты пушечно-литейного дела, и в 1766 на завод был отправлен берлинский литейщик Гольст, который занялся улуч-

пением качества металла, «удобряя» чугун и железо неизвестными местным плавильщикам способами. Отлитые под его руководством пушки пробы в Петербурге не выдержали, и Берг-коллегия пригласила другого литейщика – Николая Ансио (сына французского мастера, некогда работавшего на Повенецком заводе), который также оказался несостоятельным. Организовать производство артиллерийских орудий и припасов так и не удалось.

Следующий этап в деятельности этого предприятия связан с приездом в Петрозаводск известного английского специалиста К. Гаскойна, который, перестраивая Александровский завод в 1786, решил сохранить и Кончезерский. Это предприятие, по его предложению, должно было поставлять чугун на Александровский завод и заниматься литьем различных изделий бытового назначения. Кончезерский завод после перестройки (1788) вновь вошел в систему Олонецких заводов и стал вспомогательным предприятием для Александровского завода.

В XVIII веке население поселка Кончезерский завод, где жили от 50 до 150 человек мастеровых с семьями, а также крестьяне, росло медленно. Быт мастеровых ничем не отличался от крестьянского, у всех были огороды или пашни, почти все держали домашний скот, занимались рыбной ловлей. Среди мастеровых и крестьян было немало старообрядцев, и долгое время при заводе не было церкви (построена лишь в XIX веке), ее заменяла часовня.

Кончезерский завод был остановлен в 1905, так как качество чугуна перестало удовлетворять потребности головного предприятия – Александровского завода в Петербурге.

ОТКРЫТИЕ ИСТОЧНИКА МАРЦИАЛЬНОЙ ВОДЫ

Открыл целебный колодезь марциальной воды один из работников Кончезерского завода. В 1714 молотовой работник из приписных крестьян Шуйского погоста деревни Видасельги (современная деревня Виданы) карел Иван Ребоев (Рябоев)

был определен на Кончезерский завод для перевозки железной руды по установившемуся зимнему пути. Вероятно, не соответствующее его профессии молотового задание он получил по причине болезни. Вот как описал он свое открытие в челобитной Петру I в 1720: «В прошлом 1714 году при бытности господина полковника и коменданта Вилима Ивановича Геннина, был я нижайший по приказу господина плавильщика Мартина Циммермана послан за урядом в зимнее время над рудяными возчиками у железной руды на Рав-болоте, и до того я нижайший скорбел многие годы сердечною болезнию, а из некоторых мест с оною болота крестьяне руду возили, а я нижайший за оною болезнью чуть жив волочился, и пришед к колодцу и стал воду пить, и почал Богу молиться, чтоб Бог с оной воды дал исцеление, и я нижайший раб твой из оною колодезя, ради своей болезни, по три дня воды пил, и после трех дней стало быть лучше, и от того стал здоров и поныне ничем не болезную; и в то время я нижайший про вышеименованную воду обвестил на медных заводах господину плавильщику Мартину Михайловичу, а по тому моему доношению ведомо учинилось господину артиллерии полковнику и коменданту Вилиму Ивановичу Геннину». Письмо по неграмотности челобитчика было подписано Петром Кондратьевым. На основе современных знаний о свойствах марциальной воды можно предположить, что Ребоев страдал железистой анемией, а легко усваиваемое двухвалентное железо (так определяет главное качество марциальной воды современная бальнеология) очень быстро – за три классически сказочных раза – позволило восстановить его силы. Царь наложил на его челобитной следующую резолюцию: «За объявление сего, что первый знак лечения на нем означился, освобождается он и дом его с землею, чем владеет, от всяких работ и податей на медных заводах. В 22-е марта 1720 Петр».*

---

* В. Геннин также получил награду – портрет царя в бриллиантовой оправе и деревню Азилу в Кексгольмском уезде. В связи с переездом коменданта на строительство Сестрорецкого завода ему был также передан дом на Васильевском острове.

Семейство Ребоевых, таким образом, перешло из приписных в категорию так называемых обельных крестьян, которых в Олонецком краю «за особые услуги» Царствующему Дому было несколько десятков. Среди обельных были и такие, предки которых уже оказывали помощь в лечении, например, ялгубские крестьяне из деревни Андреевской Меркурьевы (грамота была выдана царем Борисом Федоровичем и подтверждена Иваном, Петром и царевной Софьей). Во время первой поездки на воды в 1719 царь подписал подтверждение о владениях обельных крестьян деревни Клементьевской Кижского погоста Терентия и Тимофея Иванова, прадеду которых Василию Сидорову в XVII веке по указу Алексея Михайловича и Михаила Федоровича были пожалованы пашенные земли. Обельными Сидоровы стали за то, что их семья оказала помощь инокине Марфе Ивановне – матери будущего царя Михаила Романова, сосланной в 1601 в Толвуйский погост. Жители погоста Сидоровы заботились о ней, «здоровье проводывали», «в великих скорбях и во всем радели и служили», за что им пожалованы были «жеребьи и пустошь обелены». Поводом для подачи челобитной Ребоевым в 1720 как раз и могло быть подтверждение царем прав Сидоровых. По преданию, Марфа Ивановна, заболев, лечилась водами так называемого «Царицына ключа» в Толвуйском погосте, который показали ей жители деревни. Таким образом трое из обратившихся к царю с челобитными крестьян были удовлетворены справедливыми решениями, и Ребоев стал обельным.

Как же сложилась судьба нового обельного Ивана Ребоева? В 1767 его дети Ефрем и Михаил вынуждены были обратиться в канцелярию Олонецких заводов с жалобой о незаконном захвате их «обельной» земли. Иван Ребоев «за скудостью при их малолетстве» вынужден был из «той жалованной обельной пашенной земли и покосы» половину заложить государственному крестьянину деревни Вячевской Ивану Федину за пять рублей, а он их землей завладел. Потомки Ивана Ребоева жили в Карелии еще в середине XX века.

Какова истинная роль В. И. Геннина в открытии источника? Все пишущие о курорте дореволюционные краеведы и историки считали, что олонецкий комендант, воспользовавшись правом сильного, присвоил себе открытие целебных вод. И. И. Голиков в «Деяниях Петра Великого» резюмировал, что «открытие сих целительных вод приписывалось Олонецкому коменданту полковнику артиллерии Геннину; но в сие время заводской молотовой работник Иван Ребоев подал Его Величеству письмо, в котором доказал, что он первым открыл сии воды».

Геннин настаивал на своем и, как человек, знакомый с европейским способом увековечить имя, приказал отлить на заводе чугунную доску, где поместил следующий текст: «Сей источник исцелительной марциальной воды сыскан для пользы Его Царского Величества Петра Первого Императора всея Российского и для протчей всенародной пользы тщанием и искусством Его Величества всенижайшего раба артиллерии полковника и коменданта Олонецкого господина Георгия Вильгельма Геннина. Рождение ево в Насо Сго (Нассау-Зигене. – Л. К.) и помянутый источник объявлен в прошлом 1716 году» (судя по титулатуре Петра I, доска была отлита после 1721, возможно, перед отъездом коменданта на строительство Сестрорецкого завода). В переписке Геннин также подчеркивал, что вода найдена «от него». У Ивана Ребоева (только в челобитной) сказано, что источник найден в 1714, а у Геннина в тексте на доске указано, что «объявлено» о воде в 1716.

Почти сразу после приезда на Петровский завод новый олонецкий комендант Вилим Геннин сообщил в 1714 в Петербург о полном упадке производства на заводах, нехватке рабочей силы и сырья. «Припасов, угля, руды ничего не было и пушек сначала приезда моего вылито мало», писал он Ф. М. Апраксину, своему непосредственному начальнику от Адмиралтейств-коллегии. Поиск новых рудных мест становится одной из главных задач коменданта. Геннин организует поиски в окрестностях как Петровского завода, так и Кончезера и Мунозера. Уже в 1714 он докладывает, что нашел

особенно «мягкую» и пригодную для литья пушек железную болотную руду и что для получения лучшего металла смешивает руды разного состава. Геннин имел ввиду Равд-болото (позже в связи с постройкой дворцов получившее название «Дворецкий рудник»). Дворецкий рудник на протяжении всего XVIII века считался едва ли не лучшим по качеству руды (В. Геннин уже в 1745 продолжал настаивать на его сохранении – для особого случая, когда вновь понадобятся пушки. К. Гаскойн – директор Олонецких заводов в конце XVIII века также высоко оценивал свойства дворецкой руды).

В 1716 Геннин получил разрешение на выезд за границу (в Теплиц, близ Карлсбада) для лечения «своей ручной болезни» и для найма иностранных специалистов. В это же время на западноевропейских курортах лечился царь в сопровождении ближайшего окружения. Отправляясь в Европу, олонецкий комендант писал Ф. М. Апраксину: «...сам за морем явлюсь к царю ... привезу самых нужнейших мастеровых, кои мне на заводы надобны...». Вероятно, во время своей полугодовой поездки В. Геннин и объявил об источнике на болоте (скорее всего, в Нижней Саксонии, где приглашал на заводы мастеров и где побывал и царь). Петру I к этому времени уже было известно и о других целебных водах на юге страны, в районе Терека (в 1705 он побывал здесь на серном заводе). Поэтому еще из-за границы в 1717 Петр послал указ о поисках лечебных вод в России: «Господа Сенат! По получении сего велите доктору Шуберту искать в нашем государстве (а особливо в таких местах, где есть железные руды) ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней».

Готлиб Шуберт сразу же отправился исследовать термальные воды, а вслед за ним после возвращения из-за границы с царем в октябре 1717 на холодный олонецкий источник был отправлен Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост. И Шуберт, и Блюментрост были хорошо знакомы с организацией лечения на западноевропейских источниках. Готлиб Шуберт, уроженец Лейпцига, в 1696 получил степень доктора после обучения в Лейпциге и Утрехте. До 1711 он работал инспектором главной

аптеки в Карлсбаде и в приезд Петра I на этот курорт в 1711–1712 попросился на русскую службу. Так как Шуберт имел опыт работы на курорте с термальными водами, то его и послали исследовать источники близ Терека. Царь уже видел в своем государстве «свои Карлсбады» и «свои Пирмонты». Свою версию открытия источника предложили и народные предания, связывающие его чудесное «объявление» с Божьим промыслом. В конце XIX века было записано предание, в котором говорится, что заморские доктора, подкупленные шведским королем и турецким султаном, рекомендовали царю Петру лечиться только за границей, но он, раздумывая над сказанным, незаметно пришел к Кончезеру. В Кончезере к нему подошел прекрасный юноша и показал ему в лесу белоснежного коня. Как только конь ударил копытом в землю, оттуда пошла целебная вода, о которой юноша сказал, что царь от нее излечится.

ЦЕЛЕБНЫЕ ИСТОЧНИКИ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ И ВЕРОВАНИЯХ

Использовались ли целебные воды для лечения местными крестьянами? Возможно, кто-то из окрестных деревень подсказал Ивану Ребоеву попробовать воду из незамерзающего источника? Совершенно очевидно, что в Карелии, как и в других местностях Русского Севера, имелось немало «целительных колодезей», некоторые из них почитались священными.

Традиция использования в лечении минеральных вод восходит к глубокой древности. Уже в античности были сделаны попытки классификации и описания священных ключей. В русских летописях за 1547 год упоминается знаменитый Оковецкий ключ близ Селижарова, к которому приходили паломники. Более поздние источники XVIII века подтверждают, что культ подобных ключей был распространен во многих местах России. Недалеко от города Хлынова, как сообщают архивные материалы, «при болоте имеется источник, к коему ... издавна июня на 29-е число приходят многий

народ», которые молятся, бросают в воду «платы холщевые» и «тое воду пьют и обливаются».

Обожествление целебных источников было широко распространено в Западной Европе. В Люнебурге – главном центре торговли солью в Германии – над почитаемом святым соляным источником было построено производственное здание в виде храма для перекачки рассола. В Пирмонте (Германия) в XVI веке оказывались всяческие почести источнику, и в 1557 властям пришлось обнародовать указ о запрещении больших паломничеств (доходящих до 10 тысяч) – к водам. В известном словаре Ганандера «Мифология финнов» (1789), посвященном языческим культам, упоминается священный источник на севере Карелии «Золотая скала», который впоследствии описал знаменитый исследователь фольклора и мифологии финно-угров Элиас Леннрот: «Он находится недалеко от дороги на краю болота, из которого ... вода вытекает в разные стороны ... родник никогда не замерзает и снег вокруг него всегда тает». В магистерской диссертации Э. Леннрота о народной медицине финнов описывается место средоточия всевозможных болезней, расположенное на Севере Карелии, где в центре мифического пространства находился источник воды.

На российском Севере с незапамятных времен использовались для лечения соляные, железистые, серные воды. Среди них Корниловские под Грязовцом, соляные – в Тотьме, Сольвычегодске, Леденске, Серегове. Из Серегова (Зырянский край) минеральную воду вывозили в бочках для лечения ревматизма. В Архангельской губернии на Белом море были распространены морские купания. Уже в XIV–XV веках для лечения кожных и других заболеваний широко использовались соляные источники Старой Руссы, воду из которых вывозили по окрестностям. На Севере над источниками, где случались исцеления, нередко строили часовни. Источники при монастырях обычно считались святыми местами (как, например, источник при Александро-Свирском монастыре, из которого, по преданию, пил преподобный Александр Свирский), исцеления воспринимались как благодать.

В деревне Нигижма Пудожского района Карелии крестьяне с давних времен использовали для лечения незамерзающую даже зимой воду из Ершового источника, над которым построили часовню. Вода в нем, как считалось, «брала встречу солнца», помогала от разных болезней – некоторым после двух-трех употреблений (болезнь, говорили в таких случаях, «как с воды поплыла»). В часовню приносили «заветы» – полотенца, ткани. С родником обращались бережно, даже ласково: «Сходи-ка на родничок, принеси-ка водушки...».

БОЛЕЗнь ПЕТРА I И ЕГО ЛЕЧЕНИЕ НА КУРОРТАХ ЕВРОПЫ

Каким заболеванием страдал Петр I? Уже в XVIII веке его болезнь была предметом разноречивых суждений медиков и историков. В 1970 этот вопрос, используя многочисленные документальные источники, рассматривала комиссия в составе профессоров А. А. Студницына, Н. С. Смелова, доктора медицинских наук Т. В. Васильева, кандидата медицинских наук О. И. Никонова, которая пришла к выводу, что «Петр I, по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы, или мочевого пузыря, или мочекаменной болезнью». В 1990 группа военных медиков – М. Яковлев, И. Л. Аникин, С. Ю. Трохачев – на основе изучения новых документов диагностировала хронический гепатит, косвенным доказательством которого является успешное лечение минеральными водами. Во второй половине жизни царя его лейб-медики при обострении заболевания предлагали ему поездку на европейские лечебные минеральные воды.

В России знали о европейских курортах уже в допетровскую эпоху. Одним из первых источников информации о целебных «колодезях» в Западной Европе была газета «Вестник-Куранты». Дьяк Андрей Винниус из иностранных (в основном немецких) газет время от времени помещал в «Курантах» информацию о чудесных излечениях с помощью минераль-

ных вод. В 1646 здесь приводятся сведения «о дивном исцелительном колодезе, которой не в давнем времени Божьей милостию объявился и с того колодезя уж много сот человек всяких разных исцелилось», далее следует «печатная роспись людей, излеченных от болезней в Хорнхаузене». В 1683 газета сообщала об открытии в Швеции «целебного колодца с кислой водою». Поездки русских на подобные лечения в конце XVII века были единичными. Считается, что Петр I впервые познакомился с минеральными водами Европы во время поездки Великого посольства в 1696–1698 годах.

В 1711, после сильнейшего потрясения, пережитого Петром после неудачного Прутского похода, его болезнь обострилась. Врачи рекомендовали царю поездку на горячие источники, предполагая сначала поездку в Аахен, но затем выбрали Карлсбад, курорт с многовековой историей.

По легенде источники Карлсбада были обнаружены германским королем Карлом IV в 1347, когда он на коне преследовал оленя. В 1358 король построил здесь охотничий замок – отправную точку для развития курорта, в XVI веке получившего европейскую известность. Расположенный в глубокой долине реки Тепла, курорт прославился своими термальными источниками (ныне определяются как воды с постоянным составом соединений кальция, калия, магния, железа, брома). Самый крупный источник Карлсбада – знаменитый Шпрудель. Сначала воды использовали на курорте только для ванн, в XVI веке их стали пить. К концу XVII столетия здесь находилось свыше 200 частных ваннных зданий; первое общественное здание было построено в 1711, тогда же из источников стали получать карлсбадскую соль. Лечили на водах желудок, печень, желчные пути. Как один из старейших курортов Европы, Карлсбад раньше других приобрел атрибуты комфортного пребывания и лечения. Лечение здесь русского царя, его неординарная личность и экстравагантное поведение немало способствовали дополнительной рекламе курорта в первой четверти XVIII столетия. Связанные с приездом Петра I памятные вещи бережно хранили в музеях, а легенды

о нем передавали из поколения в поколение. Именно в петровскую эпоху Карлсбад стал одним из самых посещаемых русской знатью курортов.

Заболевание Петра в 1714–1715 возобновилось, и в конце 1715, после месячного лечения, доктора вновь рекомендовали ему лечение на водах. На этот раз был предписан не Карлсбад, а источники с другим составом вод. Некоторые исследователи полагают, что главной целью поездки 1716 был Пирмонт, находившийся в Нижней Саксонии, в долине реки Эммерт. Пирмонт (Бад-Пирмонт) как бальнеологический курорт стал развиваться с XVI века, но его источники использовались еще в I веке до н. э. (современная наука определяет их воду как «хлоридная натриевая, содержащая железо и кислоты»). В Пирмонте, очень популярном среди европейской аристократии, Петр I лечился с 26 мая по 14 июня 1716.

В июне–июле следующего 1717 года Петр отправился в Спа (Бельгия, провинция Льеж), один из старейших курортов Европы. Минеральные источники Спа, известные еще римлянам, как лечебные стали использоваться с XIV века, популярность приобрели в XVI веке. Первый химический анализ вод был сделан в XVII веке, расцвет курорта относится к XVIII–XIX векам. Наибольшую известность приобрели два источника этого курорта – Жеронстер и Пурон (их вода в современной медицине определяется как железистая). Воду в XVIII веке применяли для ванн и питья. О своем пребывании на этом курорте царь оставил памятную доску: «Исследовав нравы различных обитателей Европы, возвратился через Францию, Намюр, Литтих в Спа, где, пользуясь минеральными водами из источника Теронствер, восстановил силы и ... здоровье. Peter rex. 1717 22 июня». Источники Спа были самыми железистыми из всех посещенных царем.

На обратном пути в Россию царь три дня провел на источниках популярного курорта Аахен и принимал там ванны. Аахен – один из старейших курортов Европы – расположен на земле Северной Рейн-Вестфалии. На курорте использовались несколько десятков термальных источников хлоридной

натриевой воды. В настоящее время это самые горячие источники в Центральной Европе (их температура доходит до 75° С). Аахен интересен и исторически – это место коронации германских императоров, что также привлекло внимание Петра I.

Европейские монархи уже в XVII столетии стали покровительствовать курортам и целебным источникам. Генрих IV в 1603 назначил специальных инспекторов лечебных вод. Парижская Академия наук в 1670-е годы поручила своим членам Дюкло и Бурдешеню исследовать все источники Франции. Карл Великий сделал Аахен своей любимой резиденцией.

Посетив в две поездки «знатнейшие» иноземные источники, царь получил достаточно полную картину достижений курортного дела в Европе к началу XVIII столетия. Петр проявил интерес ко всему: к организации лечения, быту, особенностям источников.* Курорты приобрели славу благодаря целебным водам – горячим и холодным, а воду здесь давно уже распознавали «через химию». Расположены они были в теплых местах, это были небольшие городки (впрочем, князь Б. И. Куракин называл Карлсбад деревней и писал об очень плохих окрестных дорогах). История некоторых курортов была связана с именами известных европейских монархов. Методы лечения на водах были разными, но регулировались специальными правилами. Курорты развивались и как ремесленные центры. Тот же Карлсбад был известен производством стрелкового оружия, которое охотно раскупали отдыхающие. В сущности, рекламой оружия здесь занималось стрелковое общество, в члены которого вступил и Петр I... В Пирмонте процветало производство лаковых изделий. Курорты охотно посещали и брали (понимая их значение для казны) под свое покровительство могущественные правители западных государств. Кроме того, как писал брауншвейгский резидент

---

* Как отмечено в Поденных записках, царь в Карлсбаде «изволил быть в горе, в доме, где теплая вода течет, также от водяного духу сера растет горячая, которую изволил кушать ЕВ для пробы».

Ф. Х. Вебер, «он (царь. – Л. К.) заметил, что многие знатные люди посещают эти воды только для развлечения, тем способствуют процветанию и обогащению вод».

Культура развлечений на европейских водах особенно быстро развивалась с XVIII столетия, складывались местные традиции курортного отдыха. С начала XVIII века на курортах строятся специальные залы и здания для посещения спектаклей, проведения ассамблей. В теплом климате возможны были и различные виды «моциона»: прогулки среди живописных гор и холмов, поездки верхом, купания. Князь Б. Куракин в своих «Записках» рассказал о характере развлечений в Карлсбаде начала XVIII века: «При том поле (для стрельбы. – Л. К.) сделан театрум, где играют тронтафль и иные игры и карты так видел много, что столов больше пятьдесят, и гораздо богата и хороша лавка при том, где пьют чекулад (шоколад. – Л. К.) и чай и кофе и лимонаты и тут бывает великий сход кавалером».

Была ли поездка по нескольким европейским курортам спланирована лейб-медиком Робертом Эрскиным для усиления их лечебного воздействия? Скорее всего, посещение известных источников было пробой их результативности и изучением методов лечения. Петра I сопровождали компетентные доктора, хорошо знавшие европейские традиции в медицине. Консультировал царя в лечении водами Пирмонта и Спа известный швейцарский медик Иоганн Конрад Бруннер, свои советы давал и итальянец Бернард Альбин.

Одним из близких соратников царя с 1713 стал уроженец Шотландии, потомок знатного дворянского рода, доктор Роберт Эрскин (Арескин). Эрскин изучал медицину в Париже у хирурга Ж. Дюверне, в Утрехтском университете. В 1700 он защитил диссертацию и стал доктором философии и медицины. Вернувшись в Англию, Эрскин стал выдающимся преподавателем анатомии, написал несколько книг и в 1703 стал членом Королевского общества Великобритании (аналог Академии Наук). По не очень понятным причинам (возможно, политическим) в 1706 он прибыл в Россию и был принят на

государственную службу. Эрскин выполнял ответственные поручения по обеспечению русской армии лекарствами. Был он и врачом А. Д. Меншикова, сопровождая князя во многих походах и сражениях. После смерти в 1713 своего лейб-медика Иоганна Донеля царь предложил его место Эрскину, и тот повсюду стал ездить вместе с царем. Петр I очень доверял эрудированному доктору и старался выполнять все его советы и рекомендации – даже в мелочах, хотя со временем, как писал М. И. Семевский, в последние пять-шесть лет жизни, когда Петр I «редко расставался с лекарствами, Блюментросту, Арескину и другим придворным медикам, была довольно трудная работа с больным, так как пациент никак не мог выдерживать строгой диеты».

Царь использовал постоянно находившегося при нем Эрскина по разным вопросам организации медицинского обслуживания в стране, в том числе в войсках и на флоте. Эрскин заботился и о пополнении врачебного корпуса квалифицированными специалистами. 30 апреля 1716 Петр вручил Эрскину грамоту о назначении его руководителем всей российской медицины, т. е. архиатром (первым в России) и действительным статским советником. Недоброжелатели (среди которых было немало иностранцев) обвиняли Эрскина в тщеславии и в претензиях на звание советника царя. В период архиатрства Эрскина в Петербурге были учреждены Адмиралтейский и Сухопутный госпитали, основаны лазареты. Обеспечены лекарями или лекарскими учениками были и государственные заводы, где также открывались лазареты. В 1721 на Петровские заводы были определены Андрей фан дер Слотен (из известной династии медиков, выходцев из Голландии) – лекарем, и Григорий Смирнов – лекарским учеником, прослужившие там до середины XVIII века.

Как считают историки медицины, Эрскин одним из первых в России стал популяризировать лечение минеральными водами. Ему приписывают открытие и использование в лечении нервных заболеваний Полюстровского источника

на Охте (Л. Л. Блюментрост лечил этими водами заболевания глаз). В поездке 1716–1717 Эрскин сам делал анализы лечебных источников, которыми лечился царь. В 1717 Эрскин написал из Германии подробное письмо доктору Готлибу Шуберту о необходимости заняться поисками лечебных вод и исследованием уже известных Терекских источников на Северном Кавказе. К сожалению, Эрскин не оставил медицинских сочинений, следуя своему девизу «Я мыслю более, чем говорю». Он подобрал себе знающих и опытных помощников, среди которых был и Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост.

Л. Л. Блюментрост родился в Москве в 1693 в семье лейб-медика царя Алексея Михайловича. Он окончил образцовую школу Э. Глюка в Москве, изучал медицину в университетах Галле, Оксфорда, Лейдена, был учеником знаменитых Бурхаве и Рюйша. Историк медицины Рихтер считал Л. Л. Блюментроста последователем Т. Парацельса, который использовал в лечении «больше металлов». Когда Блюментрост вернулся в Россию, он стал лейб-медиком сестры царя Натальи Алексеевны, потом вместе с Эрскиным постоянно находился при Петре I. Вот его рекомендации по поддержанию «здорового образа жизни» Петра I:

1. *аще возможно, пребывайте всегда в здоровом воздухе;*
2. *воздержаться кислого питья и пици;*
3. *кушайте и пейте больше теплого, нежели студеного;*
4. *держите посредство соления и немного сахару;*
5. *все мяса, которые варят или жарят, всегда сочны были бы;*
6. *кушайте все молодое мясо или лучше всякую дичь;*
7. *кушайте мало рыбы и овощей;*
8. *кушайте на день часто и мало, нежели единожды да много;*
9. *пейте почасту между кушаньем;*
10. *чайное питье между кушаньем легкие пива и полпива, аще есть ренское сладкое легкое, такожде без жажды не пить...».*

Последнюю рекомендацию царь игнорировал особенно часто.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЧЕЗЕРСКОГО ИСТОЧНИКА

Вокруг олонцецкого источника Р. Эрскин собрал хорошо известных ему медиков, получивших разные задания. Первым из них 26 октября 1717 был отправлен на олонцецкие воды Лаврентий Блюментрост. Блюментрост сделал химический анализ воды и, как писал В. Геннин, «без меры хвалил» воду.

Первые попытки химического анализа минеральных вод были сделаны еще в XVI столетии: в 1575 Леонард Турнейсер описал разные способы исследования состава источников; в 1597 Андреас Любавий использовал сок дубильных орешков для обнаружения железа... Английский ученый Роберт Бойль в 1685 написал работу «Обзор естественной истории минеральных вод», где обобщил особенности химического состава целебных источников. В XVII столетии в Карлсбаде была сделана попытка определить воду, но подлинно научный анализ воды выполнил здесь во второй половине XVIII столетия доктор Давид Бехер.

Какими же методами делал анализ олонцецкой воды Л. Л. Блюментрост? Результаты его исследований были опубликованы доктором Георгом Ремусом (с 1719 по 1725 домашний доктор А. Д. Меншикова). Ремус был отправлен А. Д. Меншиковым на олонцецкий источник, видимо, для подстраховки (или в связи с заболеванием самого Александра Даниловича, страдавшего болезнью легких) и находился там почти одновременно с Блюментростом.

Для исследования Блюментрост наливал в глиняный кувшин 100 либров воды (1 либр равен 327,45 грамма), которую в течение трех дней выпаривал на медленном огне. Осевший в сосуде осадок процеживался, и на дне оставалась красная охра и чистая вода с запахом, присущим, как сказано у Ремуса, «марциальной соли». Эти две части снова выпаривались и получалось: из охры – железо (его было получено 3,411 грамма), из воды – соль темного цвета. Соль Блюментрост также исследовал: пробовал языком и определял ее вкус (он был острым и даже жгучим), смешивал в воде с порошком чернильного

орешка, что давало темную настойку. После этого доктор смешивал соль с кислотой и алкоголем и сделал вывод, что она нейтрального происхождения. В воде олонцецкого ключа Блюментрост обнаружил примеси и других веществ, в том числе небольшое количество серы.

Ремус на основе анализа сделал следующий вывод: «Вода эта есть минеральное питье, в одном либре содержится чуть-чуть спирта, немного серы, два или три грана железа, четыре-пять гранов соли марциальной».

Присутствие серы должно было особенно удовлетворить Л. Л. Блюментроста как одного из последователей теории Парацельса. По Парацельсу система врачевания основывалась на трех элементах: сере, ртути, сурьме и их соединениях. Врачи-современники Парацельса придавали важное значение лекарственным препаратам, содержащим эти элементы и разные соли, и часто получали их из природных руд. Блюментросту, видимо, и принадлежит определение воды как «марциальной» – из-за значительного содержания в ней железа. Железо попадало – по средневековому учению о связи планет с металлами – под влияние Марса и его обозначали знаком этой планеты. В петровскую и послепетровскую эпоху название «марциальная» использовали при описании некоторых других источников, обнаруженных в аналогичных природных условиях. В качестве имени собственного этот термин сохранился только для кончезерской воды.

Первоначально олонцецкие воды предполагали назвать «водами Св. Петра», что зафиксировано в документах, но посланный на юг Готтлиб Шуберт успел дать это название термальным источникам – «теплицы Св. Петра». Он писал: «сию минеральную теплую воду именовал я именем Святого Петра ... так как по ЕИВ указу первоначально сыскано и пробовано было ... как в Бемском государстве обретающиеся Карлс Бат из Теплицы от усопшаго римского цесаря Карлуса Четвертого». В присвоении воде олонцецкого источника названия, производного от «Марс», можно усматривать и ме-

тафорический смысл: Петра I современники сопоставляли со многими мифологическими героями, в том числе и с воинственным Марсом («Московский Марс», «Российский Марс»). Не все понимали этот иносказательный язык, важно, что он использовался для общения посвященных. Недаром В. Геннин писал про олонецкий источник, что он отыскан «от Его Царского Величества»... В этом был и конкретный смысл (недра страны стали исследоваться благодаря инициативе царя) и намек на божественное предзнаменование (в совпадении необычной силы целебного действия железистой воды со знаком царя-Марса).

«Следствовать оное водяное действо над людьми» был отправлен хирург Антоний Равинель (Равелин). Равинель был очень полезен для этого обследования как практикующий доктор с большим опытом: он работал в военном госпитале столицы. В начале 1718 Равинель исследовал действие воды на разные заболевания жителей Петровского завода, в основном, солдат Олонецкого батальона. Набор диагнозов был очень разнообразным: кровавый понос, болезнь в диафрагме, боль в голове, спине, удушье, бессоница, отсутствие аппетита, болезни почек и печени и т. д. Пациенты пили воду 1–4 недели, что принесло ощутимые результаты или привело к выздоровлению. О неудачных опытах сообщений не было.

В феврале 1718 список излечившихся был опубликован под названием «Подлинные дознания о действе марциальныя кончезерския воды, разными человеки изыскано херургием Равелином. 1718 году, в месяце генваре. Печатано в Санктпитебурхе 1718, февраля 28 дня». В самом конце списка имеется описание случая с заболеванием, которое должно было заинтересовать будущего главного пациента: «Сила Парской, школьник из дворянских детей, из малых лет имел запор в урине и болезнь в подбрюшье, и в почках, и оная болезнь приходила во всякой месяц, и в полтора месяца, и держала 10 и 12 и по 15 дней с великою болезнию, понужден был лежать по вся месяцы, но понеже я ему дал 5 гран в первые, во вторыи день по 10 гран с марциальною водою соли, которая соль

сделана из той марциальной воды, и от того с помощью Божией болезнь перестала». Таким образом, Равинель использовал в своих опытах не только воду, но и выпаренную из воды соль. Использование «железных» составов часто прописывал Л. Л. Блюментрост, разработавший лекарство под названием «эссенция марциальная». По мнению доктора, это лекарство имело «силу разделительную и питательную» и могло употребляться «во всех запорах печени и селезенки и всех жил ... в меланхолии или в печальной болезни».

Некоторые историки медицины считают «Дознания» Равинеля первым оригинальным медицинским исследованием на русском языке. Что касается русского языка, то он был совершенно необходим: в сущности это было приглашение посетить олонецкие воды, то есть реклама. А вот насколько оригинален был сам жанр? Историк медицины Л. Ф. Змеев описал редкое издание начала XVIII века, некогда хранившееся в Императорской Публичной библиотеке, в котором рассказывалось об открытии минеральных вод в одной из европейских стран – точно так же, как это было сделано исследователями олонецких марциальных вод: сначала перечислялись исцелившиеся, затем рассказывалось, от каких болезней помогают воды, и, наконец, приносилась благодарность Богу за открытый источник.

Следующие документы об олонецком источнике, предназначенные для опубликования «в народ», были объединены под названием «Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце, а от каких болезней, и как при том употреблении поступать, тому дохтурское определение. Также и указ Его Царского Величества на оные дохтурские правила». Приводим их полностью.

«Понеже оные воды исцеляют различные жестокие болезни, а именно: цынготную, ипохондриум, желчь, бессильства желудка, рвоту, понос, чечуюнную, каменную ежели песок или малые камни, и оные из почек гонит, от водяной когда она зачинается, от запору месячной крови у жен, от излишнего кровотечения у оных, от апелепсия, выгоняют

глисты, также лечат килы, и от протчих болезней великую силу имеют. И ежели кто добрым порядком, с воздержанием в пище и питье будет их употреблять, то совершенно может исцеление получить. А когда по порядку кто будет их употреблять, то совершенно может исцеление получить, а когда без порядку кто будет их употреблять, с худою пищею и питьем, также и не во время, то не токмо пользу какую получит, но еще вящее повреждение здоровью своему и болезнь наведет. И для того Его Царское Величество, Всемилостивейший Император, милосердствуя к своим подданным яко отец, надлежащие регулы о употреблении оных вод, дохтурам при своем бытии и употреблении оных написать Всемилостивейше указал и объявлять для ведения в народ, чтоб всяк сведом был, как оные воды употреблять, дабы не порядочным употреблением оных не был никто своему здоровью повредитель. Как же оные употреблять и в которое время, то объявлено здесь пунктами.

1. По приезде к тем водам, надлежит несколько дней отдохнуть и паче когда кто из дальнего пути приедет, и потом от пребывающего там придворного лекаря проносное лекарство повинен принять, и впредь с его совету во всем поступать.

2. По принятии проносного лекарства надобно на другой день зачать пить воду, таким образом, как от лекаря будет указано, и потом на всякий день их пить, как лекарь рассудит, сколько надобно, усматривая по силе болезни каждого человека.

3. Надлежит те воды по утрам рано употреблять таким образом, чтоб в два или три часа определенную меру, которую в тот день выпить надлежит, скончать; и потом, конечно, еще три часа не обедать, а что долее кто не обедает, то лучше.

4. В то время, когда сии воды кто пьет, не надлежит лежать и сидеть; но надобно, сколько можно, ходить, чтоб движением хождения действу вод помогать; однакож примечать, дабы от ходьбы не лишнее потеть, и для того не гораздо скоро ходить.

5. После окончания питья вод обедать (как выше помянуто), пред обедом чарку водки тем, которые обыкли или которым смутится, выпить позволяется, а особливо анисовой, а за обедом рюмки три вина Бургонского или Рейнвейну, или легкого вина Французского (которое называть обыкли Рейнским), можно выпить также от жажды полпива, или легкого самого пива пить по малу не запрещается. А которые для скудости Рейнвейну, Бургонского, Французского не имеют, тем другую чарку водки выпить позволяется, а не больше; а квасу, кислых щей, такожде браги весьма запрещается.

6. Равным же образом надлежит себя хранить и в пище, а именно: за обедом студеного ничего не есть, но надобно сперва похлебки есть и потом жаркое, а именно: употреблять баранину, телятину, говядину, куры, рябчики, тетереви, индейские куры, зайцы, оленину, что вольно в ухе и в жарком употреблять, также яйца свежие в смятку; а печеных и которые твердо варены запрещается.

7. Насупротив того, нижеписанья непотребныя пици весьма запрещается вкушать всякое соленое, кислое, копченое мясо, такожде всякия как соленыя, так и свежия рыбы, молоко, масляныя кушанья, огурцы, капуста, репа, чеснок, лук, редька, грибы, грузди, которые в употреблении тех вод делают великий вред; а наипаче летом землянику, черницу и протчие ягоды или горох, бобы, морковь и протчие овощи есть також весьма запрещается как свежия, так и соленые.

8. По вечерам ужинать понемногу позволяется, однако так, чтоб после ужина часа два или три еще не спать, а лучше тому воды будут действовать, кто не будет ужинать.

9. После обеда вовсе спать запрещается. Промеж обедом и ужином, от крайней жажды стаканов два или три полпива, или легкого пива выпить можно; а ежели у кого полпива или легкого пива нет, тому лекарственную воду от жажды пить позволяется.

10. Буде у кого сии воды останоятся, что на низ или мочею не будут действовать, то лекаря спроситься надобно, и с

его позволения и совету, что прикажет, или какое лекарство даст, так и делать.

11. Когда окончается употребление вод по совету лекареву, то проносное от него взять надлежит и потом несколько дней отдохнуть до отъезду надобно; а за лекарство настоящую цену платить помянутому лекарю, что надлежит.

12. Сие все, во употреблении сих вод, весьма хранить, и ради своего здоровья по окончании питья тех вод еще по последней мере три или четыре недели таким же образом в пище и питье каждому себя содержать; ибо по отпитии вод более действия от вод бывает, и человек послышится нежели во время питья; и для того зело вышеписанное время себя хранить надлежит, и почитай пуще.

13. Время питья вод летом в Июне и Июле, а именно: когда теплые дни; зимою с половины Генваря, Февраль весь и Март до половины, когда морозы; ибо те воды действительны суть в жары и морозы, а весною и осенью не действительны, для того, что от тали и от дождей другая вода примешается и оную испортит. Во время же питья вод, также и по отпитии оных зимою и осенью, надобно отнюдь из избы не выходить и стужи весьма беречься: ибо уже ныне, при присутствии Его Царского Величества, опыт тому был: которые выходили, те долго гортанью и грудью болели...

Указ Его Царского Величества на Дохтурские правила. Понеже Господь Бог по своей к нам милости здесь такую целебную воду явить благоволил (которая прежде незнаема была), которую не только многие больные исцелением своим освидетельствовали, но и мы сами с своею фамилиею и многих знатных персон присутствием и употреблением оных вод все пользу получили. И могу сказать, что паче других вод, которая мы двоим, а имянно Пирамотския и Шпаданския употребляли, от сих пользу получили. Того ради повелели мы вышепомянутые правила дохтурам написать, как оные воды употреблять, и какой порядок в житье и во употреблении пищи и питья содержать, дабы неведением вместо пользы, паче траты здоровью своему не принес,

и тем сеи от Бога дарованный дар, хулы от неразсуждения простых людей не восприял. Буде же кто от упрямства своего сих регул хранить не станет, таких до употребления тех вод допускать не велели. Напечатано в Санкт-Петербурге 1719 году, марта в 20 день».

Очевидно, что многое в «Дохтурских правилах» соответствует рекомендациям Л. Л. Блюментроста по здоровому образу жизни.

На какие же образцы европейской медицинской литературы ориентировались авторы этих правил? Сохранившийся в Российском государственном архиве древних актов текст с правками Петра I свидетельствует, что в основу «Дохтурских правил» были положены «регулы», принятые на курорте Пирмонт. Пирмонтские правила были переведены для царя на русский язык И. - В. Паузе.*

Курорт Пирмонт имел холодные, с железистым составом источники и подходившие, по мнению докторов, к местным условиям правила лечения. Одной из важных составляющих лечения при этом был активный моцион во время употребления воды и диетическое питание (странным выглядит отказ от употребления овощей и фруктов, но о витаминах тогда ничего не было известно). Царь попытался урегулировать и вопрос об употреблении алкоголя (приспособив к местным условиям), который пирмонтские рекомендации не отвергали совсем (вино и пиво). Петр I сократил некоторые подробности и в целом сохранил установки первоисточника.

Важным условием правильного лечения было согласование с курортным врачом самой возможности лечения на источнике. Доктор Ремус в своей публикации в 1720 указывает, что курс лечения на олонецких водах продолжался три-четыре недели и марциальную воду начинали пить с 1–1,3 литра в день и доходили до 3,3–4 литров. Эту дозу сохраняли несколько дней, а затем постепенно уменьшали. В отдельных

---

* Паузе в 1701 приехал в Россию из Германии, был директором гимназии Глюка, сотрудничал с Л. Л. Блюментростом. После основания Академии наук в 1724 стал ее переводчиком.

случаях воду пили с английской солью. Главный результат, которого ожидали доктора, – «очищение организма и прилив жизненных сил». Совершенно очевидно, что, как и «Дохтурские правила», эти нормы были проверены опытным путем на одном из курортов Европы, скорее всего в Пирмонте или Спа.

Царь очень дорожил репутацией источника и через некоторое время после первого указа в марте 1720 издал второй, который предупреждал, что при неправильном употреблении вод больные пользы не получают, а только навредят здоровью.

А случаи неудачных лечений, судя по всему, участились. Для уточнения обстоятельств подобных неудач царь отправил в 1720 на олонекский источник своего бывшего денщика, а с 1718 генерал-полицмейстера только что учрежденной в Петербурге полиции А. М. Девиера. Можно сказать, что Девьер на марциальных водах выполнял ту же миссию, что и при проведении введенных в столичный быт в 1718 царем ассамблей: контролировал, как вводится новое для россиян... Расследовав на месте неудачные лечения, он написал Петру, что некоторые из больных «не содержали регулярно как в пищи, тако в питии напитков и в необычайном сне пребывали ... и оные воды к здравием пользы им не показали». Он также сообщал, что многие ездят на источник, не спросясь докторов, а только «высмотря в реестре» (Девьер имел в виду перечень болезней в публикации о водах). Царь в своем новом указе назвал таких больных «сущими невеждами», не рассуждающими «о нерегулярных своих и глупых поступках» и потому порочащих «то вышешоказанное дарование Божие, которое и оценить не мочно».

Первые разработки рекомендаций для лечения минеральными водами восходят, вероятно, к истории Карлсбада. В основе карлсбадского метода лечения долгое время лежали исследования локетского врача Вацлава Паэра, изложенные в «Трактате о курорте императора Карла IV», который вышел в свет в 1522 году. Автором была сделана попытка объяснить

происхождение источников, разобраться в их химическом составе, здесь же имелся перечень болезней, которые можно излечить на курорте. Рекомендуемая в «Трактате» диета выглядит разумной и вполне современной. Книга Паэра, как считают историки курортов Западной Европы, внесла коренной переворот в систему лечения карлсбадскими водами, так как автор советовал чередовать через день прием ванн с питьем воды, причем рекомендуемое для внутреннего употребления количество воды было невелико – от трёх до семи стаканов в день. Ванны Паэр также предлагает принимать недолго.

Следующим исследователем, регламентировавшим лечение в Карлсбаде, был уроженец курорта доктор Фабиан Суммер. Его книга вышла в 1571 и вскоре была переведена на немецкий язык, оттеснив рекомендации Паэра. Мнения врачей в начале XVII века на систему лечения в Карлсбаде разделились. С медицинской точки зрения предписания Суммера – шаг назад: пациенту полагалось выпивать ежедневно от 11 до 60 чашек минеральной воды. Такое лечение, мягко говоря, не было приятным и являлось большой нагрузкой на организм. Кроме того, пациент должен был обильно потеть, для чего проводить время в жарко натопленной комнате – лежа и сильно закутавшись. В ванне больные находились до 10 часов ежедневно, в некоторых случаях даже больше. По мнению доктора Суммера, болезнь должна была «выйти» через поры кожи...

Можно не сомневаться, что пациенты с облегчением воспринимали окончание курса лечения. Такие установки существовали в Карлсбаде еще в первое десятилетие XVIII столетия. В своих заметках о лечении в Карлсбаде в 1705 рассказал князь Б. И. Куракин, который начал пить воды с 15 стаканов в день и за девять дней («один кур») выпил 236 стаканов, в последние четыре дня выпивая по 33 стакана, и, кроме того, «имел пот великий» почти ежедневно. Куракин отметил также меру стакана – как «рюмка для ренского» и первые впечатления о таком питии: «вельми было про-

тивно». Скорее всего, в 1711–1712 Петр I лечился по методике Суммера.

С развитием химии и медицины в начале XVIII века изменяется система лечения водами. Профессор Галльского университета Фридрих Гофман расширяет круг лечебных факторов Карлсбада, предлагая больным воды других источников (кроме Вржидло), открывает новый способ добычи соли из минеральной воды. В 1704 Гофман выступил против грубых эмпирических лечений и предложил твердые правила, после чего, как считают историки медицины, «эта отрасль врачебной науки приняла вид ученый». Его труды были хорошо известны и бывшему карлсбадскому доктору Готлибу Шуберту.

В указе Петра I о марциальных водах упоминается «придворный доктор», который постоянно находится на водах. Естественно, что на сформировавшихся курортах Европы пациентов обслуживал не один врач. Таким курортным доктором на олонекские воды был определен хирург Антоний Равинель, а его помощником стал лекарский ученик Василий Козьмин. В последнюю поездку Петра на источник в 1724 был «определен у вод жить» и лекарь Данила Васильев, что, вероятно, свидетельствует об увеличении количества пациентов.

В первую очередь Равинель обслуживал царя и его семью, но принимал и других приезжающих лечиться (в «Правилах» царь указывал на необходимость оплаты доктору за лекарства. Князь Б. И. Куракин об оплате написал, что в Карлсбаде «доктору дают кто что хочет»).

Равинель как хороший практик попал в сложные условия: ему приходилось не только обслуживать посетителей курорта, но и ездить иногда на Петровский завод для лечения иностранных специалистов. У доктора было четверо детей, сам он был не очень здоровым человеком, жалованья не хватало, и в 1722 он просил Петра I увеличить содержание. В 1735 Равинель умер, и его вдова Иудифь «Равинельша» подала жалобу императрице Анне Иоанновне, что получает от Медицинской канцелярии всего по 100 рублей в год.

В организации лечения на курорте принимали участие разные ведомства и прежде всего Кабинет, который заботился о здоровье царской семьи, время от времени отпуская средства на лечение других больных, скорее всего, по указанию царя. Так, в 1724 из Кабинета было выдано на лечение пять рублей капралу лейб-гвардии Преображенского полка Варлааму Кочеткову. Немалую тревогу в Кабинете вызвало сообщение об «умалении марциальных вод» в августе 1719 года по причине очень сухого лета. В результате расследования причин «умаления» последовало запрещение копать руду в окрестностях курорта, дополненное царским «под страхом смерти».

ПЕРВЫЕ КУРОРТНИКИ

Летом 1718 на лечение стали прибывать первые пациенты. Одним из первых приехал комендант Петербурга генерал-поручик Роберт Брюс, который перед поездкой в марте 1718 проконсультировался с Р. Эрскиным и получил разрешение на курс лечения. Тогда же приехали шутихи из «всешутейшей» команды царя: Дарья Гавриловна Ржевская, княгиня Прозоровская (Анастасия Петровна Голицына?) и другие. Как сообщал В. Геннин, они «пользу от вод получили, а именно у господина генерал-поручика Брюса вышло камней больших и малых с лишком 40. А драгунский полковник Щербатов от воды здесь выздоровел». 5 августа приехали на воды любимец царя поп Иван Хрисанфович Битка, страдавший водяной, и Великан Буржуа. Битка чувствовал себя очень плохо и некоторое время провел в доме коменданта Геннина, прошел курс лечения и, как сообщал кабинет-секретарю А. Макарову В. Геннин, «исцеления не получил, только получил хороший аппетит». В 1718 и 1719 лечился президент Главного магистрата князь Ю. Ю. Трубецкой, которому царица Праксovia Федоровна уступила свои хоромы, поскольку здесь в это время, «кроме ее хором, никакого строения не обрета-

лось». В 1720, однако, князь Трубецкой отправился на воды за границу.

Роберт Эрскин 23 ноября 1718 прибыл на Петровский завод, видимо, в последней надежде найти исцеление (по одной из версий он был отравлен). Он был, как пишет В. Геннин ... «зело от болезни труден, и от такой великой его болезни к водам везти его невозможно. А оставался он у меня и зело желал он марциальных вод пить, и я послал и привезли из марциального колодезя 4 бутылки и которой он больше двух маленьких рюмок выпить не мог и после того минут с полчаса, выbleвал он такое тугое и черное флегмо, что зело было удивительно». Эрскин умер 30 ноября, но уже в письме от 25 ноября, понимая неизбежность его смерти, Геннин спрашивал у кабинет-секретаря А. Макарова, где похоронить Эрскина: может быть, при заводе у лютеранской кирхи?.. Перед смертью архиатр продиктовал в присутствии Геннина свое духовное завещание, в котором велел свои замечательные коллекции продать царю, а деньги от продажи раздать бедным и богадельням своей родины Шотландии. Эрскин просил похоронить его на Аптекарском острове в Петербурге, но Петр I, организовав в столице похороны со всеми почестями, велел похоронить его рядом со своей любимой сестрой Натальей Алексеевной в Александро-Невской лавре.

Среди первых пациентов имелось немало близких царю людей, некоторые из них были серьезно больны и советы докторов им не помогали. Большим поклонникам Бахуса из «всешутейшей» царя также не мешало продержаться какое-то время на диете. Царь предлагал лечение на источнике корабельным мастерам, участникам военных событий. Некоторых из них Петр скорее всего отправлял на воды, не спрашивая их согласия, без лишних церемоний. Показательно письмо царя к Ф. М. Апраксину от 8 июня 1721 года: «Господин Адмирал. Галерному мастеру французу Доктор весьма велел ехать к водам на Олонец, а он не очень хочет; изволь его неволею выслать. А деньги на иждивение ево я отдал Калмыкову. Петр». В 1723 Петр отправил на воды капитана 1-го ранга,

командира шнявы «Полтава», Мартына Гослера. Уговаривал царь поехать на источник и тяжело больного водяной Б. П. Шереметева, и тот уже собрался «ради последнего искушения», но умер 30 ноября 1718 года.

Третьего марта 1719, только что возвратившийся с олонечских вод Петр I навестил князя А. Д. Меншикова и, порассуждав о болезни светлейшего, очень рекомендовал эти воды с «неслыханным» действием.

В июле 1719 А. Д. Меншиков отправился в путь (хотя вполне возможно, что его личный доктор Ригер, исследовавший вместе с Блюментростом воду, такой рекомендации ему не прописывал). Поездка светлейшего, зафиксированная Поденной запиской, дает хорошее представление о характере дороги и возможностях для отдыха и развлечений на водах. Нужно сказать, что почти все упомянутые в «Записке» населенные пункты сохранились.

От столицы Меншикова провожали домашние до самого Александро-Свирского монастыря, откуда к часу ночи он прибыл в Олонец, где в честь его прибытия «палили из 37 пушек». Переночевав в дьяческом доме, 19 числа князь проехал карельские деревни в районе Торосозера (почти весь путь до заводов лежал через места проживания карел), где кушал в палатке, а в Коткозере в палатке переночевал. 20 июля он добрался через Кескозеро на Святозеро, где переночевал и 21 июля в четыре часа дня выехал в деревню Пряжу, где «изволил кушать», а потом «при часовне попокоясь, отъехал во дворец, зовомый Половина». Несмотря на то, что дворец был построен для отдыха, путник предпочел палатку. 22 июля, встав в 4 часа пополудни, князь отправился на Петровский завод, где в честь его прибытия палили из 25 пушек. На заводе Меншиков осмотрел с ландратом Муравьевым, как льют пушки, делают холодное оружие и проволоку. 23 числа водным путем через Логмозеро и Шую поехал на воды. В Шуе он кушал, в Кончезере ночевал в доме В. Геннина, в котором и остановился на все время пребывания (хозяин был за границей). 24 июля Меншиков в сопровождении придворных

гулял у пристани около Габозера, а 25-го приказал «отделить лодку» и на следующий день отправился с канцелярии советником Василием Степановым и генерал-адъютантом Вельяминовым и другими придворными на Габозеро, где переехал озеро к другой пристани и пошел к марциальным водам, где начал лечение. Потом он отправился к царице Прасковье Федоровне и выпил там еще шесть стаканов. Навестив графа Ф. М. Апраксина (тот жил в царском дворце), он вернулся на медные заводы. 27 числа Меншиков выпил 10 стаканов воды и пообедал с придворными. 28 июля светлейший «по забавах гулял под горою, смотря, как отделивают лодку», потом, отправив почту, в восемь вечера лег спать. 2 августа Меншиков плавал по Габозеру, на следующий день выпил девять стаканов воды (вероятно, не из источника, а заранее принесенную) и сухим путем поехал к царице Прасковье Федоровне, затем опять посетил адмирала Ф. М. Апраксина и гвардии-майора Скорнякова-Писарева. 5 августа князь отправился в обратный путь. Приехав на Петровский завод, он отправился «во дворец» (речь идет о его «хоромах» при заводе, которые упоминаются в описаниях Петровского завода, или о дворце Петра I). На следующий день он отслушал всенощную в Петропавловской церкви, затем побеседовал с ландратом Муравьевым и отправился назад в столицу водным путем через деревню Деревянное, где и переночевал на судне. 7 августа он побывал на острове Брусно, где находился небольшой монастырь и добывался горновой камень для заводов. Целый день гулял по острову и, пообедав в монастыре, заночевал на сойме. 8 числа подъехал к реке Коровине, и после остановки судно вошло в Свирь. 9 августа местом остановки была небольшая Яблонская пустынь, откуда князь поехал в коляске и прибыл в Лодейное Поле, где побывал 10 числа на службе в церкви Апостола Петра. Заночевал Меншиков в Ильинском монастыре, на следующий день ночевал в деревне Паше, а 12 прибыл в село Сясь. Переночевав в Старой Ладогe, 13 числа князь водой через Шлиссельбург отправился в столицу.

Дневник поездки позволяет сделать вывод, что в июле – августе 1719 на курорте лечилось одновременно пять–шесть человек из окружения царя, возможно, еще несколько сопровождали царицу Прасковью Федоровну (она второй раз в этом году приехала на источник) и адмирала Ф. М. Апраксина; кроме того, здесь находилось несколько человек прислуги. Дорога посуху, видимо, не располагала к безостановочному движению и занимала около недели от Александровского монастыря и девять–десять дней от столицы. На пути уже был построен дворец в деревне Половине. Вероятно, Меншиков намеренно посещал небольшие монастыри и пустыни (вскоре по указу царя 27 мелких монастырей и пустыней были подчинены Александровскому монастырю).

Со временем на источник стали ездить не только страдавшие какими-то недугами лица из окружения царя. Царь старался как можно шире рекламировать лечение на водах. Указом от 27 июня 1720 года Петр запретил частным лицам привозить заграничные минеральные воды (спа, пирмонскую, бристольскую, зальцерскую) в российские порты, предоставив это право главной аптеке Медицинской канцелярии.

Как некогда «Куранты» информировали россиян о заграничных водах, так теперь «курортную» хронику предлагают читателю петровские «Ведомости». С одной стороны, рекламируется лечение на водах (например, в июне 1719 «Ведомости» сообщают, что скоро на марциальные воды отправится царица Прасковья Федоровна и «другие многие знатные особы»), с другой – в этих сообщениях подчеркивается, что не один только Петр I нуждается в серьезном лечении: «шведский король не может ... от гравели или почечного камня», «схватило папу лихорадкою с коликою, медикусы велели ему выпить амигданового масла, от которого вышел у него камень», «король наш курфюрст поехал ... в Пирмонд на три недели для принятия минеральных вод. Туды же ожидают по все часы голштейноторско-

го герцога». Тема лечения с характерной для эпохи грубоватой откровенностью принимает через газету интонацию заурядности происходящего с самим царем. В 1723 в газете появляется реплика «О мнении некоего доктора медицины о вреде минеральных вод».

Лечение на водах упоминается и в частной переписке. В апреле 1721 государыня Екатерина Алексеевна писала царице Прасковье Федоровне: «В начале поздравляю вас государыню (со) счастливым употреблением марциальных вод, и желаю сердечно, дабы оные вам, государыне, были от болезни действительны, что дай Боже!». А вот как «агитировала» царица Прасковья Федоровна поехать на Олонец дочь Екатерину: «Сестра моя, княгиня Настасья, более 15 лет ... великую скорбь имела, пожелтела и распухла, и в болезни ее все отказались; и ее государь изволил послать к водам, пока от тех вод выздоровела: как не бывало болезни» (речь шла о Настасье Федоровне Салтыковой). Сама Прасковья Федоровна, страдавшая в последние годы жизни многими болезнями, несколько раз побывала на марциальных водах (четыре-пять поездок). Для нее уже в 1718 там был построен небольшой дом, для ее «шествия к марциальным водам» выделялись до 60 подвод на станах. Но воды ей не помогали (царица умерла в 1723 году). Побывали в 1719 на источнике и ее дочери: герцогиня курляндская – будущая императрица Анна Иоанновна и часто хворавшая Прасковья Иоанновна.*

Наряду с царицей Прасковьей Федоровной и князем Ю. Ю. Трубецким на источнике можно было встретить крестьянку, рыболова, солдата. Жили «курортники» из простых, вероятно, в соседних деревнях, которые, как и Кончезерский завод, находились в нескольких верстах от курорта (Восточное и Западное Кончезеро, Спасская Губа Мунозерского погоста).

---

* Историк М. И. Семевский писал о Прасковье Федоровне, что она «слепо веровала... в спасительность медицинских советов» царя и «часто посещала его любимые минеральные воды в наивной уверенности, что вода может спасти ее от водки и вина, повергших ее в безвременные и тяжкие недуги!».

Во время поездок по дороге, царский поезд «подбирал» будущих пациентов для лечения на водах. Узнав о больных на каком-либо из почтовых станов, предлагали оплатить поездку на источник. В 1722 на воды был взят «рыбный ловец» из Рыбной слободы Алексей Терентьев Лось, которому было выдано 10 рублей. Тогда же Афросинье Фадеевой из деревни Закозье Белозерского уезда Екатерина Алексеевна повелела ехать для лечения, но когда та приехала, доктор ей «воды пить не разрешил», и ее отпустили, выдав на дорогу три рубля. Крестьянину деревни Вегоруксы Олонецкого уезда Федору Максимову в 1722 выдали четыре рубля для отвозу жены к водам, на подставе Куздре крестьянке Аксинье Михайловой пожаловали на лечение три рубля...

Таких пациентов из простонародья было, вероятно, не так уж много. «Спонсировалось» лечение и жителей столиц. В 1724 на водах лечился маленький мальчик Дмитрий Андреев, «который был завезен из Москвы и оставлен». В апреле 1720 гайдуку Василию Григорьеву были выданы от Екатерины I 30 рублей для поездки. Установить, сколько всего больных (а в данном случае на источник ехали действительно больные) прошли курс лечения, невозможно, так как сведений об этом не сохранилось, хотя, вполне вероятно, курортный доктор какую-то информацию (возможно, и для царя) об излечившихся фиксировал.*

Посещали воды и представители духовенства. Архиепископ Феодосий Яновский прибыл на источник в 1722, побывав до этого на нескольких западноевропейских курортах. Попросился в отпуск к марциальным водам и советник Св. Синода архимандрит Петр. В 1724 архимандрит Новоспасского монастыря Иерофей просился на 15 дней на другие марциальные воды – «близ Москвы».

Некоторые больные просили привезти марциальную воду в столицу. Лечившийся летом 1721 с супругой известный корабельный мастер Филипп Петрович Пальчиков в ответ

---

* В 1778 на источнике сгорела лекарская изба с «какими-то письменными делами».

на такую просьбу некой Дарьи Ивановны (жены кабинет-секретаря?) ответил, что доктор Равинель сделал следующую пробу: на три дня поставил в закупоренных бутылках воду и выяснил, что по прошествию этого времени вода стала «бездействующей». Пальчиков обещал, тем не менее, что «для уверения» несколько бутылок привезет... Доктор Равинель, таким образом, считал, что вода сохраняет лечебные свойства до трех дней.

В 1719 Петр I принял решение об отправке на олонечские воды на два месяца большой группы больных и увечных воинов – 156 участников Северной войны из Петербургского госпиталя. Разных полков солдаты и урядники были отправлены водным путем на судах олонечских заводов. Для сопровождения были выделены здоровые солдаты – по одному к 10 больным. Где они жили во время лечения – неясно, скорее всего, были расквартированы в Кончезере и окрестных деревнях. В 1742 подобное лечение состоялось за счет Военной коллегии: на воды были посланы раненые «в нынешней войне» (1741–1743) со Швецией: один сотник и пять казаков.

Известно, что лечился марциальными водами и В. Геннин, который, уже находясь на уральских заводах, просил разрешить ему выехать с женой на кончезерские воды. Иоганн Близэр в 1726 во время экспедиции посетил источник.

Уже к 1720 олонечский источник приобрел (в столицах, прежде всего) широкую известность. Брауншвейгский резидент Фридрих Христиан Вебер писал, что «источник олонечский вошел в такую славу, что в настоящее время он сделался почти универсальным лечебным средством в России. Целебное свойство воды главным образом состоит в том, что она очищает желудок и возбуждает аппетит». В заметках Вебера по поводу источника сквозит заметный скептицизм, он делает вывод, что использование «простых естественных средств» для лечения вообще характерно для россиян, которые «имеют прирожденное отвращение к аптекам».

ДРУГИЕ ОТКРЫТИЯ ЛЕЧЕБНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

В. И. Геннин продолжил поиски источников в Олонецком уезде и после открытия курорта. В 1720 он сообщал в императорский Кабинет, что «мужики привели (его. – Л. К.) к ключу, который на ровном и сухом месте из руды кипит и кверху бьет» и в котором вода «марциального вкуса» и «слаще кончезерской», то есть в ней нет столько железа. Этот родник был далеко от Кончезера – в 70 верстах и, вероятно, поэтому Кабинет им не заинтересовался.

Отдаленность вод от столицы, плохие бытовые условия для обычных посетителей курорта заставляли подумать о поисках подобных источников где-нибудь возле Петербурга – в похожих на олонечкие болота местах. Главными здесь, конечно, были требования самого царя, у которого не имелось времени на длительные поездки в карельские леса.

Вскоре генерал-полицмейстер столицы А. Девьер докладывал в императорский Кабинет о новых источниках: во дворе царицы Прасковьи Федоровны (на Васильевском острове) и в Переведенской слободе (напротив Адмиралтейского госпиталя). Тут же появились желающие эти источники испытать. Корабельный мастер Пальчиков, который «имел у себя непрестанную головную боль и на ногах желтые пятна» и которому олонечкие воды не помогли, сделал вывод, что «токмо чрез употребление сей (воды. – Л. К.) свое здравие в головной получил, а в пятнах некоторую свободу». Таким образом, некоторые больные уже сравнивали действие воды из разных «колодцев». Л. Л. Блюментрост сделал в 1723 анализ петербургских источников и лучшей признал переведенскую воду. Царю, судя по всему, эта вода не подошла. Не удовлетворяли Петра и исследованные Эрскиным и Блюментростом полуостровские источники на Охте.

В январе 1720 по указу царя в Казань «для изыскивания и осмотру марциальных вод» был послан лекарь Герман Лесток. Во время Персидского похода в 1722 году Петр посетил

источники Св. Петра, исследованные доктором Шобером. Поиски новых лечебных вод продолжались по уже сработавшей схеме: болото-руда-завод. При строительстве Сестрорецкого завода в 1723–1724 на реке Сестре межеванием лесов по указу царя занимался иноземец Антон Кормедон. В 1724 замочный отшельник, «переведенный с петровских заводов Василий Федоров сын Сямозерец», разыскал в окрестностях завода новые марциальные воды. По указу царя в сентябре – октябре 1724 года он с Кормедоном был отправлен для расчистки новонайденного источника (как это сделать, царь посоветовал сам), а инженер Абрам Ганнибал – для снятия плана местности (Ганнибал, только что вернувшийся из Франции, вступил в заведывание кабинетом царя, где находились чертежи и проекты). Срочная съемка местности была продиктована необходимостью точно определить расположение источника для последующих исследований. Результаты этих исследований неизвестны.

В 1723 стало известно о марциальном источнике на частных железных Угодских Воскресенских заводах промышленника Меллера, находящемся в 90 верстах от Москвы. После исследования воды царь приказывает Кабинету подготовить все необходимое для поездки. В 1724–1725 здесь строит путевой дворец архитектор И. Зарудный.*

Еще на одном заводе – Липецком – по указанию Петра I так называемые «бадерские бани» были заложены гоф-хирургом Х. Паульсенем, который, видимо, и провел исследования липецких вод. В результате утвержденные царем «Дохтурские правила» были распространены и на эти источники. Легенда связывает открытие липецких вод со счастливой случайностью (царь Петр, якобы, усмотрел в потемневшей после кипячения воде у одной старушки присутствие железа и приказал исследовать источник). Липецкие Воды принято считать вторым – после олонецкого – курортом петровской

---

* Имеются сведения об открытии минеральных источников в окрестностях Ропши, в Глинках, подмосковном имении сподвижника Петра I Я. В. Брюса.

эпохи, так как лечение на этих источниках приобрело более или менее массовый характер и регулировалось специальными правилами. На этом заводе также был построен деревянный дворец для царя и отлита чугунная доска об открытии источника. В 1722 во время похода в Персию Петр I «испытал действие» липецких вод.

В 1724 после коронационных торжеств Петр I из Москвы отправился в начале июня на угодский источник и сообщил 7 июня: «Объявляю вам, что воды, слава Богу, действуют изрядно, а особливо урину гонят не меньше олонецких; только аппетит не такой, однако ж есть». Голштинский камер-юнкер Фридрих Берхгольц писал, что Петр остался доволен тамошним минеральным источником. В 1724 это был уже второй курс лечения, что свидетельствовало об усилении болезни. До поездки на подмосковные воды царь собирался вторично – в мае 1724 – посетить олонецкий источник, но потом изменил свое решение. Автор монографии о Петре I Н. И. Павленко отмечает и другие изменения в обычном распорядке Петра: царь стал чаще посещать богослужения.

ПЕТР I НА ОЛОНЕЦКИХ МАРЦИАЛЬНЫХ ВОДАХ

По сведениям «Походных журналов» царь провел на олонецких водах (не учитывая время в пути и пребывание на Петровском заводе) более 90 дней. Всего на эти поездки он затратил не менее пяти месяцев. Лечение на олонецких водах сопровождалось, привычной для Петра I активностью; с расстояниями царь не считался. Связь со столицей поддерживали курьеры, почта работала четко. Всех нужных людей царь приглашал «на марциальные воды» – для принятия оперативных решений, многие из которых были связаны с проектными и строительными работами ведущимися в столице и пригородах.

Довольно длительные поездки царя на воды состоялись в сложный период подготовки мирного договора со Швецией, и

это заставляло некоторых находящихся в Петербурге дипломатов подозревать, что царь под видом лечения ведет переговоры. Как писал французский комиссар Де-Лави, «намерения этого монарха так непроницаемы, что невозможно предвидеть заранее, что случится». Чтобы иметь точные сведения о намерениях Петра, шведский генерал Мардефельд «под предлогом, что ему нужно пить воды для здоровья», в 1719 собрался на олонецкий источник. Французский посол в Швеции Кампредон, прибывший в Петербург как посредник, тут же сообщил об этом французскому министру иностранных дел аббату Дюбуа и, ссылаясь на беседу с П. П. Шафировым, предположил, что Мардефельд едет действительно ради здоровья (ибо «ему грозит апоплексический удар») и царь на водах переговоров вести не будет. Английский резидент Джеймс Джефферис писал о том, что ходят слухи, будто бы под видом поездки на воды царь поехал на свидание с прусским королем.. Но никто из иностранных дипломатов на марциальных водах так и не побывал, следовать за царем было запрещено, так как «многочисленному обществу в Олонце поселиться негде и кормиться нечем». В 1722 после рассказов царя о том, как был открыт источник и какие были чудесные исцеления, по словам камер-юнкера Берхгольца, шлезвиг-голштинский министр граф Ф. Бассевич сказал, что хотел бы там полечиться, но «государь начал этому смеяться и взяв его за щеки, промолвил: ”Э, у тебя щеки слишком красны и толсты, чтобы туда ехать“».

Столь длительный контакт с олонецким краем не мог не повлиять на те или иные указы и действия царя, равно как и на историческую память местных жителей, выразивших свои впечатления о царе в многочисленных произведениях устного творчества.*

Как свидетельствуют записи «Походных журналов», в 1719 царь выехал из Санкт-Петербурга 19 января и, пробыв

---

* Некоторые исследователи фольклора считают, что идеализация и героизация Петра I в народном творчестве связана с наметившейся к середине XVIII века тенденции к официальной канонизации царя.

на лечении с 28 января до 16 февраля, вернулся в столицу 3 марта. В 1720 царский поезд отбыл из столицы 29 февраля, на водах царь был с 6 марта до 22 марта, с заводов уехал 25 марта. В 1722 царь ехал из Москвы, был в пути с 6 февраля, лечение продолжалось с 15 февраля до 26 марта. В 1724 царь выехал из Петербурга 16 февраля, 19 февраля прибыл на завод, с 23 февраля до 15 марта был на водах. После лечения царский поезд отправился на церемонию коронации Екатерины Алексеевны в Москву.

Царя всегда сопровождала Екатерина Алексеевна, которая обычно выезжала вслед за мужем на несколько дней позже. Неизвестно, лечилась ли она сама и рекомендованы ли ей были докторами олонецкие воды. Царь, стараясь точно следовать правилам лечения, два-четыре дня отдыхал на Петровском заводе, затем, приняв лекарство, уезжал на источник, чтобы приступить там к лечению. На обратном пути следовал небольшой отдых на Петровском заводе.

В связи с «шествием» царского поезда местные власти должны были позаботиться об обеспечении проезжающих транспортом, о чем заранее сообщали посланные из Кабинета курьеры. На почтовых станах стояли наготове десятки подвод – на станы сгоняли местных крестьян с лошадьми, обещая «непременную» оплату и не всегда выполняя обещание. Бывало, сотни подвод простаивали зря, когда отменялась поездка (так случилось в начале 1718 и в мае 1724, когда царь отложил вторую поездку на Олонец). Подвод «на шествие Его Императорского Величества к олонецким марциальным водам» ставилось до 100 на стан и об организации поездки императорский Кабинет сообщал сразу нескольким коллегиям, прежде всего – Адмиралтейств-коллегии, в чьем ведении находились заводы. В 1722 для поездки Петра I из Москвы на Олонецкие марциальные воды в Дмитрове, Кашине, Устюжне Железопольской, Тихвине и Ладого (то есть по проложенной еще в 1710 большой почтовой дороге) воеводы должны были вычистить дороги, «в пристойных местах построить путевые дворцы, а в монастырских вотчинах

подыскать хорошие избы и дворы, в которых бы тараканов не было». За выполнение указа отвечали Камор-коллегия и Синодальные власти.*

Указанное в правилах для лечения на водах зимнее время было удобно и по другой причине: санный путь позволял быстро передвигаться. А. Д. Меншиков по летней дороге добирался из столицы девять дней, а царь в зимнем возке – три дня. В 1720 он выехал из Петербурга 29 февраля вечером, 1 марта был уже в Олонце, 2 марта – на Петровских заводах. Ехал царь с небольшими остановками днем и ночью. В пути из Москвы в Петровский завод он провел 10 дней, следуя через Ярославль – Вологду – Белоозеро.

О тогдашних дорогах Карелии можно было повторить сказанное в XVII веке: «Дороги с Олонца во все погосты зашли в озера, а переводы чрез озера многие, а тележных дорог нет». С постройкой Петровских Олонецких заводов кое-какая тележная дорога на Петербург была проторена по проселочным лесным тропам и старому олонецкому тракту, но на ее содержание средств у заводов не было, тем более что грузы с заводов шли водным путем через Свирь и Ладогу. В 1707 по приказу А. Д. Меншикова были установлены почтовые станы от Петербурга до Олонца и несколько позже – до Петровского завода.

С возвращением Петра I из длительной поездки 1716–1717 в связи с активными строительными работами в столице северо-западное направление в дорожном строительстве становится самым приоритетным. С 1717 многое делалось для улучшения подъездных путей к Петербургу. В 1719–1723 строится дорога от Петербурга до реки Волхов. В 1718 было начато сооружение Ладожского канала в обход бурного Ладожского озера. 25 октября 1723 Петр велел разработать – на основе шведских и голланд-

---

* Через много лет, в 1767, в наказе депутатам от Олонецкого края в екатерининскую Комиссию по составлению нового Уложения крестьяне напомнят о том, что «в прошлые годы во время шествия ... вечной памяти государя императора Петра Великого и государыни императрицы Екатерины Алексеевны, царицы Прасковьи Федоровны и прочих высоких лиц от С.-Петербурга через Олонец к марциальным водам в оба пути зимой и летом стояли на 10 станциях в 4 года по 300 подвод на каждом стану по месяцу, иногда по два».

ских образцов – положение о содержании и устройстве дорог в России.

Когда количество желающих попасть на олонекский источник возросло, в 1721 специальным указом было приказано брать с проезжающих по две копейки с лошади за версту. В этом же году последовало определение Камер-коллегии о предоставлении в Ладого подвод курьерам, едущим в Архангельск, и лицам, направляющимся лечиться на Марциальные Воды.

Дорожная повинность для приписных к олонекским заводам крестьян была одной из самых тяжелых. Крестьяне следили за состоянием проселочных дорог, чистили их, строили мосты (в то время на одном только участке от Святозера до Половины было 12 мостов) и прокладывали гати.

Они же содержали гоньбу, поставляли лошадей и подводы, давали постой и фураж для лошадей. Впрочем, подводная повинность, в отличие от дорожной, оплачивалась. По указу Петра I от 1724 года за каждую подводу с версты надлежало платить возчикам зимой – 1/2 копейки, летом – 1 и 1/2 копейки, хотя, о чем свидетельствуют челобитные крестьян, плата производилась далеко не всегда.

Второй проблемой курорта была организация питания для все большего числа приезжающих. В 1718 после неурожая в Карелии хлеб был довольно дорог, а виды на новый урожай невелики. Указом царя от 4 декабря 1718 В. Геннин обязан был заготавливать столовые припасы по присланному от Дворцовой канцелярии реестру. Для коменданта наступили беспокойные дни, к его обычным обязанностям добавились новые: он обязан был обеспечить едой не только царя и его свиту, но и других приезжающих. Геннин жаловался Ф. М. Апраксину: «Гостей, которые приезжают к водам, для стыда поить и кормить надо, а истинно с миру не единой ложки сметаны не идет...» К тому же употребление марциальной воды возбуждало аппетит, и комендант просил Ф. Апраксина, чтобы приезжающие сами позаботились о провизии и чтобы они «быки и бараны с собой привозили ... понеже

они от такой воды все пережуют». В отсутствие Геннина, который в 1719 был отправлен за границу, эти обязанности легли на ландрата Григория Муравьева. Деньги заводов (т. е. Адмиралтейств-коллегии) Муравьев истратил в 1719 на провизию для двора (732 рубля 38¹/₂ коп) и рассчитывал, что Дворцовая контора деньги Адмиралтейств-коллегии вернет, но они возвращены не были, и уже после смерти царя велено было взыскать их с Муравьева. В последующие после 1719 поездки царя эта сумма возросла. Ландрат, прослуживший с 1714 по 1728 «беспорочно», был отрешен от должности и арестован за долг в 1523 рубля 31 коп. В 1730 он обратился за помощью к императрице Анне Иоанновне и был освобожден.

Главными поставщиками провизии для двора становятся Александро-Свирский монастырь и Олонец, куда В. Геннин и ландрат Муравьев с 1718 отправляют заявки. В 1722 к марциальным водам из монастыря было отправлено «про обиход царя» – 13 телят малых, 3 быка и 3 теленка. В январе 1724, когда царь почувствовал себя хуже и врачи повысили требования к диете, бургомистру Олонца Балашеву приказано было у обывателей отобрать 10 лучших телят, 10 молодых барашков и специально приставленному человеку «кормить молодых телят и барашков под матерями и поить молоком, а больших баранов кормить добрым кормом». Кроме того необходимо было собрать 500 свежих яиц, 10 кур, три пуда топленого масла, три ведра творогу и три ведра сметаны и немедленно отправить в Петровский завод. Оплата полагалась непременно, а за поставку плохих продуктов обещан был штраф. Александро-Свирский монастырь поставлял вино и пиво. Центрами пивоварения издавна были монастыри. На Петровском заводе также была пивоварня, но к приезду царя в начале 1718 Геннин просил прислать пивовара «из столицы для варения пива, полпива», а также привезти солода, так как на заводах хорошего не было.

Уже после первой поездки царя в 1719 архимандрит Александро-Свирского монастыря Александр стал высказы-

вать откровенное недовольство, связанное с его неприязнью к Петру I и к его реформам монастырского бытия.*

С начала Северной войны Александрo-Свирский монастырь утрачивал материальное благополучие. Ему приходилось доставлять на Лодейнопольскую верфь лошадей, в Новгород – муку; монахи на реке Сясь обязаны были жечь известь для строительства Петербурга... Список все новых претензий к монастырю рос, так что средства на роспись Троицкого собора, построенного еще в 1694, монахам пришлось собирать девять лет. А царь предложил еще и содержать в монастыре служилых увечных людей...

С открытием курорта забот у монастыря прибавилось. В 1719 царь побывал здесь с Екатериной Алексеевной и Прасковьей Федоровной. Он заболел и пробыл в монастыре до 25 января. Перед отъездом высокие гости одарили братию деньгами, но архимандрит Александр деньги отобрал и заявил: «Приезд Петра в обитель в великий убыток». Оскорбленные монахи, у которых отношения с новым архимандритом и без того были натянутыми, написали жалобу, в которой перечислили все его прегрешения, и передали ее Прасковье Федоровне и Екатерине Алексеевне, которые, прибыв в монастырь, устроили разбирательство, пытаясь примирить архимандрита с братией. Затем на Александра объявил «слово и дело» бывший архимандрит монастыря Кирилл. Архимандрит Александр был лишен сана, и 22 февраля 1720 царь приказал его колесовать «как оскорбителя и противника».

Монастырь посещали не только представители царской семьи, здесь останавливались Меншиков, Апраксин, Репнин, другие направляющиеся на воды знатные особы.

«Расходные тетради» Екатерины Алексеевны и Петра I сохранили интересные подробности поездок царя и его свиты. Перед поездками на север старались запастись теплой одеждой: так, в 1720 году Екатерина Алексеевна заказала для кня-

---

* Архимандрит был переведен из подмосковного Николаевского монастыря; церковные власти подозревали его в «склонности к расколу».

зя Прозоровского «епанечку суконную теплую на волчьем меху», конюху Кирилле Кабанову – такую же, лисью шапку и «свареги». В 1719 по прибытии в Петровский завод были заказаны теплые сапоги из оленьего меха – царю и сопровождавшим его карлам – их сшил солдат Агапит Вострогин. Эти сапоги царь, видимо, носил и в столице, вот как их описал камер-юнкер Берхгольц: «Башмаки на его величестве были из оленьей шкуры, шерстью вверх как на самой ноге, так и на подошвах ... Говорят, что такая обувь очень тепла; но вид ее как-то странен». Удивившая иностранца обувь – не что иное как пимы, национальная обувь ненцев-самоедов. С такой обувью, скорее всего, царь познакомился в поездках в Архангельск, так как для Карелии она не характерна. «Самоедская» тема вошла в арсенал петровских развлечений, вероятно, с первых поездок на Север, в Архангельск, с ней ассоциировались представления о местных жителях. Экзотический облик аборигенов Севера, казалось, навсегда остался в памяти царя. Одного из своих шутов португальского еврея Дакосту (Лакосту), который, как писал Вебер, сумел угодить царю на марциальных водах своими шутками, Петр обещал сделать «королем самоедским» (до этого среди шутов Петра были другие «короли самоедские»). Для шутовской церемонии посвящения тут же было заказано выговским старообрядцам доставить в столицу 24 оленя с 24 самоедами. Став «самоедским королем», Дакоста получил в подарок и свое «государство» – остров Сомере на Балтике...

По замечанию историка С. Ф. Платонова Петра I «стесняла большая свита», он не любил больших приемов и больших помещений, парадных столов, с трудом следовал правилам этикета. Двор царя был, вероятно, самым дешевым за все время существования Московского государства. В 1718 в списке приглашенных на воды было всего лишь 50 человек. В поездках на олонецкий источник Петра сопровождал самый близкий круг тех, кто мог составить ему компанию в беседе, играх и развлечениях и среди которых всегда находились представители «всешутейшего и всепьянейшего собора».

Это была чисто мужская компания, женщины сопровождали лишь Екатерину Алексеевну и Прасковью Федоровну. Вероятно, во время первой поездки на источник в 1719 царем были составлены полусуточные правила под названием «Должность маршала над собранием лечащихся при водах марциальных Левиковского*»:

«1. С утра, когда время придет и будильщики обойдут первый раз все келии, а маршалу с своим жезлом немедленно прийти в залу и потом погодя послать в другой раз будить и тогда надлежит выходить в залу, а потом мало погодя идти самому с оными будильщиками по келиям и по сему третьему конечно никто не должен быть дома, но всем выйти в залу.

2. Маршал должен распорядится пить кому за кем и смотреть, чтоб исправно пили из источника.

3. Маршалу смотреть должно, чтоб никто без его спросу не отлучался из зала никуда из сего скита, но часа полтора был в зале и в линее.

4. Когда время придет обедать, тогда маршал велит будильщикам в инструменты звать и смотря, когда придут, чтоб всем сесть на своем месте, которое надлежит ему назначить не перехватывая друг у друга.

5. Тако же маршалу смотреть, дабы свечи и трубки у всех и прочие, что надлежит, готово исправно было».

«Будильщики» напоминают о карлсбадском обычае, описанном князем Б. И. Куракиным. В Карлсбаде в начале XVIII века подавались сигналы «во все дни об осьмой с рану на двух трубах – на ратуши, другая – в одиннадцатой на штортах, третья по полудни ... ту музыку держат от ратуши». Названия «монастырь» и «скит» напоминают о «шутейном» монастыре царя. Пребывание на лечении компании мужчин, расположившихся в небольших – как кельи – комнатах, видимо, и спровоцировало эти названия. «Собрание лечащихся», включавшее несколько человек из «всешутейшего и всепьянейшего собора», не могло позволить себе обычного веселья

---

* «Господин Левиковский», вероятно, и есть церемониймейстер увеселений Дакоста.

(по поводу одного из участников увеселений шута Дакосты Вебер писал, что на водах «он поневоле должен был держать добрую диету»). Шутливая регламентация поведения на водах напоминает о принятых царем после возвращения из поездки 1716–1717 «Правилах», в том числе по поводу проведения ассамблей в 1718, которым он придавал государственное значение. Еще раньше, в 1709 царь придумал пять пунктов «Уложения Бенго-коллегии» – пародии на католическую мессу, где главная роль принадлежала Бахусу. «В том монастыре начальствующие и живущие во общем братстве» напоминают собравшийся на водах «монастырь», но уже без Бахуса во главе.

Правила поведения на водах можно рассматривать как очередную вариацию устава «всешутейшего и всепьянейшего собора», новый поворот в сюжете самодеятельного театра царя.

Людей из свиты Петра, которые выполняли срочные распоряжения и постоянно находились при царе, не жаловали ни высокими чинами, ни высокими окладами. Эти обязанности возлагались в первую очередь на денщиков, которые непременно сопровождали царя на олонецкие воды. Когда-то первыми денщиками стали приятели Петра по детским играм, солдаты Преображенского полка (среди них был и будущий прокурор П. И. Ягужинский). Денщики исполняли обязанности дежурного или дневального и неотступно находились при государе (их комнаты были рядом с государевой). Со временем функции денщиков расширились, их стали набирать из офицеров гвардии и лиц, обучавшихся за рубежом или в российских школах. Денщики поочередно ночевали в царских покоях, чтобы всегда быть под рукой, сопровождали царский экипаж во всех поездках и путешествиях и пользовались полным доверием царя. Одним из таких денщиков был Иван Иванович Бутурлин, племянник Петра Бутурлина («петербургского владыки» из «всешутейшего собора»), любимец царя. Он с 1687 служил в Преображенском полку, был одним из его первых штаб-офицеров, участник Азовских

походов, побывал в плену после Нарвы, освобожден в 1710. После 1719 Бутурлин командовал любимыми полками Петра Преображенским и Семеновским, был произведен в генерал-аншефы и получил золотую медаль в честь заключения мира. Бутурлин находился в свите царя при Екатерине Алексеевне – в заграничной поездке 1716–1717 годов.

Сопровождал царя на источник во всех поездках и другой денщик – Семен Блеклой.

Полковник Семен Блеклой возил с собой на воды «гудошника и старца», бывшего Владимирского полка солдата Филакта Исаева. 16 марта 1724 на обеде у ландрата Григория Муравьева в Петровском заводе он «играл на гудке и плакал», и ему было дано «рубль с полтиной за его слезы». Речь скорее всего идет об исполнении причети, которую обычно исполняли женщины. В этой же поездке было заплачено 23 червонца княгине Настасье Петровне Голицыной, «чтоб она плакала по сестре и она плакала». Причеть за деньги мало согласуется с беззаботным отдыхом на курорте, но, вероятно, для заказа плачей были особые причины, связанные с какими-то печальными датами. Анастасия Петровна Голицына (урожденная Прозоровская) – княгиня, жена И. А. Голицына, была статс-дамой при дворе Петра I, затем – шутихой, а с 1717 – князь-егуменьей «Всеппянейшего сумасброднейшего собора».* Анастасия Петровна побывала на курорте два-три раза, сопровождая Екатерину Алексеевну.

Петр, как известно, был большим любителем партесного многоголосого хорового пения, среди его певчих были выходцы из разных уголков страны. На водах в церкви Апостола Петра царь несколько раз пел «со своими певчими концерты».

Интерес к простонародной инструментальной музыке в петровском окружении был традиционным, царь любил хороших музыкантов и певцов из любой среды (хорошо известен его ансамбль «Весна»).

---

* Современники характеризовали Анастасию Голицыну как «бабу невежественную, пьяную и глупую».

Во время поездки 1722 года на воды неоднократно приглашались местные крестьяне и солдаты – исполнители на русских (и, возможно, карельских) музыкальных инструментах. Музыканты подбирались заранее, до приезда царя. В феврале 1722 за игру было заплачено Олонецкого батальона солдату Тихону Пустохину, который играл на гуслях, а также Сямозерского погоста крестьянину Якову Кириллову Конееву, «который на гудке играл». Яков Конеев так понравился слушателям, что его забрали с собой – для пополнения музыкальной команды царя, в которой состоял и ранее взятый из Олонца гудошник Василий Козел. Яков Конеев и его родственники пользовались покровительством царицы (ему заказали русское платье, его теще Василисе Филиповой пошили меховую шубу). Яков Конеев пробыл в столице несколько лет (упоминается среди дворцовых музыкантов в 1727). В 1724 «для игранья на гудке был взят» на воды крестьянин Шуйского погоста Ульян Иванов. В результате этих поездок состав дворцовых музыкантов пополнился музыкантами-карелами. Интересовался двор и другими талантами. В 1720 во время пребывания в Александро-Свирском монастыре царица Прасковья Федоровна усмотрела, что иеродиакон Иринарх – хороший художник, и взяла его с собой на Петровский завод, «где он шпалерную работу сделал для ея величества», затем царица вывезла Иринарха в столицу, где он также «делал шпалерную работу, живописность и золочение». Мода на шпалерные работы пришла с организацией в 1717, после возвращения царя из поездки, Шпалерной мануфактуры; возможно, Иринарх некоторое время выполнял там какие-то работы.

В первой поездке 1719 года царя сопровождали дурак Тарас и карлик Ефим. Ефим Волков был главным карликом царя, с ним связаны одни из первых общественных развлечений в новой столице, устроенные Петром I. В 1710 на свадьбе Ефима участвовало более 70 «карлов»-уродцев. Грубые забавы с карликами сопровождали тогда многие дворцовые праздники, без них тогдашнее придворное веселье не мыслилось. Возможно, впрочем, что царь привез Ефима для лечения (в 1724

карлик умер). На воды привозили и «великанов»: в 1722 это был известный Николай Буржуа.

В число развлечений на марциальных водах входили и «тихие» домашние игры. Популярна была упоминавшаяся Б. И. Куракиным французская игра «трукт-тафель, напоминающая билиард» а также бирюльки, в которые играл и царь. Разыгрывали лотерею, где «ее величество изволила держать 5 лот, а лот каждой по рублю, итого 5 рублей; выигрывали часы у Юрья кухмистра ... проигрывал господин Щербачев-Голохвастов табакерку...». Карточная игра на заграничных водах была очень распространена, как и другие азартные игры, но Петр, как известно, подобных игр не любил и даже издал в 1717 году специальный указ, запрещающий играть на деньги: «В народ опубликовано, дабы никому в деньги не играть под тройным штрафом обретающихся денег в игре». На водах он играл в шахматы с закадычными партнерами: придворным попом Иваном Хрисанфовичем Биткой и шутом Степаном Вытащи. Вытащи, или Степан Медведь, был не просто шут, но и «запечных дел мастер», тайный палач, один из участников расследования по делу царевича Алексея. Сочетание шута и палача как бы вдвойне отделяло его от мира. Вытащи был одним из центральных персонажей «самодельного» театра царя, в котором у него была довольно причудливая роль. На маскарадах он всегда надевал медвежью шкуру и ездил на снях, запряженных медведями, или же в причудливом и непристойном наряде разгуливал со свитой под барабанный бой и с полотняным знаменем по Петербургу... Эта фигура была одной из самых зловещих в окружении царя.

Во время поездки 1722 Петр I лишился этого партнера по шахматам: Вытащи упал с лестницы и сильно расшибся. Для оказания помощи, как зафиксировано «Походным журналом» от 23 февраля, была проведена операция: «Их Величество были... взрезывали Стефану Вытащи» (хирург Равинель делал операцию или сам царь?). Вытащи умер 26 февраля и похоронен, вероятно, неподалеку от Петровской церкви или на Кончезерском кладбище. В течение двух дней царь слушал

литургию в зале дворца и в Петровской церкви, а 26 февраля закончил лечение.

Медицинской практикой царь занимался и по другому поводу: он лечил больного водянкой крестьянина Остречинского погоста Егора Иванова («изволил выпускать воду»). В этом случае лечение прошло без особых последствий, так как Иванову купили четыре рубахи, трое портков, «шуба новая дана» и денег 30 алтын... Были и другие «операции»: в приезд 1724 года одному «мужику половину бороды выбрили», за что, правда, последовала «компенсация» в 13 рублей 30 копеек.

Местные крестьяне выполняли все работы по уборке помещений, топили печи, стирали, работали в скатерной, поварне, хлебной, «лили» воду из источника. В 1724 этой работой занимались 57 человек («повседневно выливали марциальную воду крестьяне Шуйского погоста, за что получили по рублю»). Они же приносили к дворцу дичь (живых тетеревов, зайцев), овец, яйца, а также брусничный лист. В 1724 году 47 крестьян проводили какие-то ремонтные или строительные работы при курорте.

Поездку 1724 года обслуживало не менее 100 крестьян из окрестных деревень. Караул при дворе несли 104 солдата Черниговского полка, которые также носили воду во дворец, охотились на дичь. За услуги расплачивались щедро, жертвовали в церкви, вдовам мастеровых на медном заводе, на Петровском заводе – также («старикку Алексею Михееву, которому 90 лет», и другим).

Любимое занятие Петра I – работа на токарном станке, за которым он отдыхал. Вероятно, монотонное жужжание колеса успокаивало царя, это была настоящая «трудотерапия», и чем старше он становился, тем больше времени отдавал точению из дерева и кости. Выполнял царь не только бытовые и культовые предметы, в токарне он работал и над моделями (во время очередной поездки на воды 7 марта 1724 царь «трудился над моделью Кронштадцкою»). Образцы своего искусства он дарил часто и охотно (в том числе кубок своей

работы прусскому королю Фридриху Вильгельму I). Ни один из его дворцов последних лет не обходился без токарной. Токарни царя постепенно перерастали в рабочие кабинеты, где решались многие важные дела, в них он работал, обедал, спал, принимал посетителей и близких, играл в разные игры... Токарные станки иногда возили вслед за царем, но чаще устанавливали постоянно, как это было на олонечких водах и в Петровском заводе. Сохранилось описание токарной при дворце на Водах. В ней было два дубовых токарных станка, к которым был прикреплен «на шурупах» стул с поручнями, обитый зеленым сукном. Тут же находились железные тиски, 14 штук токарного инструмента, а также два токарных колеса и деревянные тиски. Имелись и липовые заготовки. В токарне же стояли две «холстяные» походные кровати и слюдяной фонарь. Знаменитый токарь Андрей Нартов в своих рассказах о царе упоминает о работе на марциальных водах, но в первых поездках Нартова не было. В 1719 царя сопровождал солдат Андрей Коровин, «который работал в государевой токарне» (ему на Петровском заводе под токарный инструмент были сделаны сани и ключ к ящику для инструмента). Андрей Иванович Коровин был учеником А. Нартова и служил токарем и сторожем при его «Лаборатории механических и инструментальных наук». С 1706 Коровин был сторожем при токарне царя и, видимо, сопровождал его в отсутствие Нартова. После смерти Петра он работал в Инструментальной палате Академии наук, выполнял работы под руководством Нартова. А. Нартов сопровождал царя на олонечкий источник в 1724 году, когда царь работал над моделью Кронштадта.

На Марциальных Водах царь взялся за собственноручное изготовление мебели, пригласив в помощники Андрея Коровина и местных крестьян-столяров: Мелентия Дубакова и Кириллу Филиппова. Сохранившиеся стулья из дворца – характерные образцы мебельного искусства петровского времени (в собрании КГКМ). Царь постоянно прибегал к книге Шарля Плюмье об искусстве точения, рукописный ва-

риант которой на русском языке хранился в его библиотеке. Книга Плюмье иллюстрирована разнообразными и сложными образцами для точения на станках, которые Петр, вероятно, старался воспроизвести. Из разнообразных геометрических фигур царь собирал декоративные композиции. Одной из таких форм из шаров, дисков, стержней стали люстры-паникадила, которые он исполнял для особо важных случаев (сохранились три паникадила, но в документах упоминаются и другие, например, в 1712 Петр точил паникадило к бракосочетанию с Екатериной, в 1723 – для церкви в Кронштадте). В марте 1724 царь закончил изготовление очередного паникадила из кости – для церкви Апостола Петра. Учитывая небольшие размеры храмового пространства церкви на Марциальных Водах он выточил из слоновой кости паникадило «на семь рожков», напоминающее паникадило для Петропавловского собора в Санкт-Петербурге: на центральный стержень длиной в 72 см нанизаны различные геометрические фигуры, разделенные четырьмя дисками черного дерева. Семь рожков украшены розетками, ствол – узорчатой подвеской. Согласно «Походному журналу», Петр завершил эту работу 15 марта и в обедню в церкви Апостола Петра «паникадило трудов своих привесил в церкви». В яблоко паникадила царь вложил записку с благодарностью Богу за исцеление. В 1732 при подготовке к освящению Петропавловского собора по специальному указу императрицы Анны Иоанновны паникадило было вывезено Андреем Коровиным в столицу (в настоящее время – в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга). Помимо паникадила, из кости была выточена цепочка, долгое время хранившаяся в церкви на Марциальных Водах, но затем утраченная.

В 1722 царь вызывает на Марциальные Воды своего придворного живописца Ивана Никитина. Иван Никитин – единственный русский мастер, писавший Петра I с натуры; вероятно, портрет царя или императрицы был написан на марциальных водах...

Документальных подтверждений пребывания Петра I на Петровском заводе до 1719 не выявлено. Царь не был лично знаком с положением дел на Олонецких заводах, и первое, что он сделал, прибыв в слободу, отправился «гулять по заводу». В присутствии царя была отлита чугунная пушка, на которой было вычеканено: «Сия пушка вылита при самом его царском величестве на Олонецких заводах 15 февраля 1719» (дата несколько отличается от зафиксированного «Походным журналом» времени пребывания царя на заводе). В 1720 он снова охотно общался с мастеровыми и даже собственноручно выковал из железа полосу уклада, на которой оставил надпись: «Сей кусь осечен от крицы трудами Его Царского величества собственными руками под большим кричным молотом на Олонецких Петровских железных заводах марта 2 1720 года». Можно сказать, что царь «прочувствовал» работу молотового работника и вместе с тем продемонстрировал, что вполне здоров...

Самые популярные народные предания о Петре I – предания о царе-ремесленнике и труженике. В одном из них излагается, как был изготовлен вышеупомянутый «кус»: «Часто ездил в нашу лесную сторону царь Петр. Приде, скажут, в завод, своима царским руками крицы (мехи) дует, а бояра уголья носят; в молотобойню завернет и молот в руки – железо кует». В других преданиях рассказывается о состязании Петра то с плотником, который так искусно владеет своим мастерством, что тешет брус из бревна без шнура, то с кузнецом. В этих состязаниях царь, несмотря на все свое умение, выдержать конкуренцию с профессионалами не может (его голова, как объясняет олонецкий плотник, занята государственными делами).

Брауншвейгский резидент Вебер (и не он один) сделал неожиданный вывод о причинах рекламной кампании вокруг олонецких вод, об «истинных» причинах поездок царя на Олонец: «Так как рабочий народ в городке Олонец не имеет почти ничего, кроме царского жалованья, а с другой стороны множество плохого оружия тамошнего изделия остается

непроданным, то сказанные люди и полагают, что открытием целебных вод царь желал только привлечь в Олонец своих подданных ... и тем привести в лучшее состояние торговлю орудиями тамошнего артиллерийского управления, состоящего в ведении генерал-майора Геннинга, и самое место сделать более зажиточным».

Возможно, догадка Вебера отчасти и верна, и у царя была мысль организовать торговлю оружием – для приезжающих «кавалеров» – как в Карлсбаде, тем более, что оружие на заводах становилось все лучше и царь был удовлетворен его качеством.

Качество холодного и стрелкового оружия улучшилось с возвращением В. Геннина из-за границы, откуда он привез хороших мастеров. Казалось, олонецкие заводы получили новый толчок к дальнейшему развитию: 1719–1721 – период наивысшего расцвета заводского производства. Но, видимо, уже в первую поездку Петр I принял решение о постепенном сворачивании производства в Карелии (указ об этом последовал сразу после возвращения с источника).

Северная война еще не закончилась, и заводы нужно было содержать наготове, несмотря на многие их проблемы, прежде всего связанные с качеством местной руды («холодноломкой» – как ее определили в более позднее время). По указу Петра 1720 года «велено было быть в ходу 5 домнам и 3 большим и иметь 5 дощатых молотов, а якорное дело и Устьрецкий завод оставить и на Олонецкой верфи никаких судов не строить». Крестьянские сборы велено было передавать Канцелярии Петровских заводов. В Александро-Невском монастыре, куда также направлен был этот указ, первопричиной столь неожиданных решений считали Толвуйского погоста крестьянина Павла Акинфова, который во время пребывания царя на водах в феврале 1719 года подал челобитную о том, что «многие монастырские крестьяне многие тягости несут». (Толвуйский погост был приписан к Александро-Невскому монастырю). Порядок взимания налогов с монастырских крестьян также был изменен.

В 1718–1720 годах международная обстановка оставалась сложной и строительство в России новых кораблей продолжалось на всех балтийских верфях (в 1719 строилось 10 линейных кораблей), соответственно, нужны были и олонецкие пушки. Одним из главных противников растущего могущества России на море становится Великобритания, которая быстро превращалась из союзника в опасного неприятеля. Только после подписания Ништадтского мира царь стал кардинально решать проблемы будущего петровских заводов.

В 1721 в связи с окончанием войны Адмиралтейств-коллегия предписала руководству заводов заняться продажей огнестрельного и холодного оружия и разных металлических инструментов в Петербурге, для чего в Гостином дворе выбрать лавку. Это положило начало массовой продаже продукции Олонецких заводов в столице. Царь эту перестройку использовал прежде всего для обеспечения всем необходимым своих столичных новостроек и загородных резиденций. В эти годы заводы выполняли многочисленные заказы для Канцелярии от строений. Директор канцелярии Ульян Синявин приезжал в Петровский завод, пригласили сюда и архитектора Ж.-Б. Леблон – для решения вопроса об отливке чугунных труб для фонтанов. По требованию царя 3 февраля 1719 на марциальные воды на десяти подводах приехал с большой моделью Шлиссельбургской крепости архитектор Д. Трезини. Прибывали по вызову царя на воды и другие архитекторы. В 1723 на Петровском заводе по инициативе Петра отлили первые чугунные ограждения для домов вдоль набережной Невы (перила крылец). Росли заказы на крышечные доски, фонтанные трубы, чугунные части мостов. По возвращении из первой поездки царь велел выдать 10 рублей крестьянину Олонецкого уезда Куштозерской волости Ивану Семенову, «который объявил камень к гротному делу». Это один из первых фактов, касающихся поставки карельского камня на строительство пригородов столицы.

К приезду царя, о котором знали заранее благодаря приго-

товлениям и суете на дорогах, готовили челобитные и жалобы приписные крестьяне, торговые люди, старообрядцы.

1719 – год принятия указа об учреждении Берг-коллегии и публикации «Привилегии о рудах и минералах», по которому каждый желающий из любого сословия имел право на поиск и разработку рудных месторождений. В 1722 на Петровском заводе к царю обратился рудоискатель из Поморья Собинский, жалуясь, что ему в поисках медных и серебряных руд мешает соловецкий архимандрит Варсанофий. Петр оказывает Собинскому содействие, а в 1722 издается указ о принятии мер против лиц, которые чинят препятствия в поисках минералов и руд. Соглашается царь и на передачу в аренду крестьянину Кондратьеву одного из олонецких заводов – Повенецкого.

В 1721 Петр I приказывает строить новый оружейный завод в Сестрорецке, куда во главе с Генниным переводятся высокопрофессиональные кадры оружейников Петровского завода, вывозится все оружейное производство. В 1722 Петр I решил для сравнения качества металла сделать по 1000 оружейных стволов из олонецкого и сибирского железа (подобная «проба» уже производилась, и, как ни странно, стволы из олонецкого металла оказались лучше). Летом 1724 с Петровского завода переезжают в Сестрорецк 457 человек мастеровых с семьями. Петровская слобода пустеет на глазах, рушится сложившийся за 20 лет заводской уклад. Во время поездки 1724 года на воды был приглашен В. Н. Татищев, с которым обсуждался вопрос о будущем олонецких заводов и перспективах развития горной промышленности Урала. Здесь же было принято решение об отправке Татищева в Швецию для изучения опыта управления металлургической промышленностью.

Очевидное к 1724 году угасание горнозаводской промышленности в крае не могло не встревожить старообрядцев Выго-Лексинского монастыря: свободу исповедовать свою веру они получили за поддержку заводского производства. С закрытием заводов могли начаться притеснения. Уехал работать на уральские заводы и покровительствовавший старообрядцам В. Геннин.

Представители Выго-Лексинского старообрядческого монастыря, как и другие челобитчики и просители со всей округи, приезжали к царю на Петровский завод или на источник. Об этих встречах очень живо написал выходец из Шуйского погоста, выговский писатель Иван Филиппов: «В то время вельми петровские железные заводы распространяхуся, ибо императорское величество первый Петр часто на петровские заводы для досмотру оружия и к водам ездяша. Помянутые же настоятели Даниил и Андрей по совету з братьями и суземских старостою и с выборными всегда посылающе своих посланных с письмами и гостинцами к Его Императорскому Величеству, с живыми и стреляными оленями и со птицами, ово коней серых пара, а ово быков больших подгнаше ему и являхуся и письма подаваху. Их Императорское Величество все у них милостиво и весело примаше и письма их вслух всем читаше, хотя в то время от кого со сторон и клеветы быша, он же тому не внимаше».

Выго-Лексинский монастырь, как и Александро-Свирский, помогал в поставке провизии. Царь по достоинству оценил честность и грамотность олонецких старообрядцев, приказав руководству Петровского завода «к щетному делу определять только из раскольников» (это указание заводские начальники выполнили уже после смерти царя). Хорошие отношения у выговцев сложились и с царицей Прасковьей Федоровной, через которую, как и через прагматичных В. Геннина и А. Меншикова, они старались защитить свои интересы. Общались они и с супругой царя Екатериной Алексеевной. В 1722 по указу Петра выговские старообрядцы должны были приискать 100 оленей для императорского двора. Они отправились к морю и на Канин Нос, но привели на заводы только 50, остальных оленей у них отбили самоеды. Выполняли они и другие поручения Кабинета.

Когда Петру стало известно, что вслед за отъезжающими на Урал мастерами потянулись и «раскольщики, которые близ Повенца живут», царь категорически запретил отъезд двумя указами (от 8 и 11 февраля 1724) – под страхом казни.

На Олонце у царя была еще одна встреча, которая стала источником легенд, превратилась в одно из главных преданий старого Петрозаводска, – с местным юродивым Фаддеем. О реальности Фаддея свидетельствует сохранившаяся записка царя ландрату Муравьеву: «Г(осподин) Муравьеф. Здешний мужик, которого завут Фаддеем, стар и кажетца ума лишен. Живет в лесу, приходит и в деревню, которого здесь за чудо имеют, а худости и расколу не сказавают. Того ради дабы не было блазни, велел я его к вам на заводы отвести, дабы там его кормить до смерти его». Писарская приписка: Подан сей Его Императорского Величества указ на Петровских заводах в канцелярии чрез Оштинского погоста жителя Софрона Бескова». Записка хранилась в канцелярии Олонецких Петровских заводов и была передана в архив Адмиралтейства после ее упразднения.

Из записки следует, что Фаддей жил не на заводах, а где-то по дороге от Петровского завода до марциальных вод. Возможно, он приходил на источник. Отвести его царь просил, скорее всего, в богадельню при Петровском заводе. Строительство этой богадельни, где находилось немало «уволенных от работ» больных и увечных, бывших работников завода, затеяла царица Прасковья Федоровна. Царица Прасковья всегда старалась угодить Петру в его нововведениях – одной из первых стала посещать ассамблеи, бывала в театре, отправилась на курорт.

После 1718 Петр издает ряд указов, в которых запрещает просить милостыню, приказывает строить богадельни для престарелых, размещать в монастырях увечных солдат Северной войны. По указу царя от 20 июня 1718 года было велено тех, «кои явятся не записанными в богадельнях в прошении милости», наказывать батогами и отсылать на прежнее место... Богадельня, построенная в 1719 на средства царицы Прасковьи на Петровском заводе, сохранялась еще в 1730-е годы.*

---

* Интересно, что в 1734 крестьяне Толвуйского погоста доносили на Петровский завод, что в их погосте появился «пришлый незнакомый человек, который юродствует». Юродивого велено было выслать на завод.

Но, несмотря на полную поддержку нововведений Петра, царица Прасковья Федоровна была вполне «царицей из XVII века», в усадьбе которой в подмосковном Измайлове, как писал ее родственник В. Н. Татищев, «был госпиталь на уродов, юродов, ханжей и шалунов». Она любила слушать их предсказания и сказки (некий юродивый Тимофей со двора царицы время от времени поражал окружающих своими предсказаниями, к которым Прасковья Федоровна относилась очень внимательно). Прасковья Федоровна знала, как царь не любит подобный люд (который при его появлении прятался в дальних углах и чуланах ее дворца). Вполне вероятно, что царица общалась и с петрозаводским юродивым, так как несколько раз побывала и на Петровском заводе, и на источнике.

Встреча царя с петрозаводским юродивым произошла после расследования дела царевича Алексея, который был центром недовольства, оппозиции царю и его реформам. Опасаясь народных волнений, Петр I предписал вновь созданному Синоду не допускать никаких чудес, пресекать появление прорицателей и кликуш (одной из целей открытия первого в России общедоступного естественного музея – Кунсткамеры – была борьба с ложными чудесами). Говоря в записке о «соблазне», царь имел ввиду многочисленные факты почитания предсказателей и веры в народе в предсказания юродивых и кликуш, против чего направлены были его распоряжения и указы. Время от времени, в связи с его болезнью, появлялись и предсказатели его скорой кончины. В словах «чего либо худого» подразумевалось отсутствие в высказываниях юродивого каких-либо оценок действий царя, очевидная безобидность старика. Царь по отношению к Фаддею просто выполнил собственные указы. Возможно, никакого предсказания Фаддея царю и не было.

В преданиях о Фаддее, относящимся к XVIII веку, рассказывается, что юродивый предсказал царю скорую смерть и был за это наказан: «обрестован», заключен «в охраняемое пристанище», взят под «надзор» (в разных версиях преданий), но, уже находясь при смерти, царь, убедившись в правдиво-

сти его предсказания (т. е. в его святости), отправил гонца на заводы и приказал освободить Фаддея и «производить ему до смерти пансион».

Еще один факт из записки Петра – о несклонности Фаддея к расколу – впоследствии стал источником версии о Фаддее как активном противнике раскола, которую в условиях борьбы со старообрядчеством в XIX веке поддерживали церковные власти, к началу XX века предполагавшие канонизировать петрозаводского юродивого.

А. Нартов рассказывал, что, «прогуливаясь при питии марциальных вод», царь сказал своему лейб-медику: «Врачую тело свое водами, а подданных примерами, и в том и в другом исцеление вижу медленное, все решит время, на Бога полагаю надежду».

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА НА СЕВЕР

Седьмого июня 1724 (то есть в тот день, когда царь закончил курс лечения на водах Угодских заводов под Москвой) Адмиралтейств-коллегия получила от Сената повторный императорский указ о посылке двух-трех геодезистов для осмотра местности – последующего просечения от реки Сяси до Олонецких вод дороги «прямо по компасу». Решение царя о будущем олонецких вод было принято окончательно: он связывал с ними надежду на свое выздоровление.

Исследователи истории дорожного строительства России лишь мимоходом отметили, что была проложена «прешпективная дорога на Марциальные воды», как будто речь шла о заурядном проекте. А ведь речь шла о дороге в таежной зоне страны длиной более 300 верст, построенной как «прешпективная». В условиях сворачивания горнозаводской промышленности и малочисленности населения экономических причин в этой дороге не было.

После посещения Угодских заводов царь ехал, как обычно, быстро: 12 июня он выехал из Москвы, 21 июня прибыл в

столицу. Здесь пошли чередом празднования памятных дат: Полтава, Гангут, семейные праздники. 16–20 августа, почувствовав недомогание, Петр не выходил из дома. После 20 августа стало немного лучше (царь посещает свадьбу кабинет-секретаря А. В. Макарова). Главное событие этого месяца – перенесение в Александро-Невскую лавру мощей Александра Невского – было отложено и состоялось только 30 августа. С 3 по 12 сентября царь не покидал дома, лейб-медик постоянно ночевал при нем. Но 17 сентября Берхгольц записал, что царь оправился и «когда речь зашла об олонецких водах, камергер сказал, что они чрезвычайно были полезны государю, если б он только при употреблении их щадил себя и соблюдал надлежащую диету в пище».

Камергер Балк говорил о доставке марциальной воды в Петербург. Зная, что олонецкая вода очень быстро теряет свои лечебные свойства, Петр приказал привозить ее своеобразной эстафетой, поначалу используя для этого почту. В августе 1724 ландрат Муравьев получил указ царя из Ямской канцелярии о немедленной присылке «ко двору Его Императорского Величества марциальной воды до почты», которую велено было «весть и днем и ночью с великим поспешанием». Григорий Муравьев стал через день отправлять воду, установив по шесть подвод на стану. 22 августа в столицу прибыло 29 бутылок воды, затем их количество увеличилось. Уже в июле для организации эстафеты в Шлиссельбурге были подготовлены лодки, должны были быть поставлены почтовые каты шлиссельбургского и олонецкого гарнизонов. К концу августа станы учредили через каждые 20 верст, воду стали возить в большем количестве, закладывая бутылки и кувшины мохом и все время поливая водой. Помимо олонецкой, по-видимому, использовалась и пирмонтская вода, так как уже в феврале 1724 Л. Л. Блюментрост вел по указанию царя переговоры с гамбургскими купцами Ф. Поппе и П. Коном о поставке в Петербург минеральной воды из Пирмонта. Одновременно шли работы по исследованию местности и строительству «преспективной» дороги.

Со строительством нужно было спешить, чтобы использовать для проведения основных работ летнее время. 8 июля в Адмиралтейств-коллегию последовал новый уточняющий указ царя геодезистам, чтобы они от реки Сяси «с астролябиумом шли до олонецких вод, а затем – прямо по компасу». На обратном пути, «просекая дорогу», они должны были вернуться на Сясь (скорее всего речь шла о слободе Сясь, где находилась корабельная верфь и куда в 1719 было перенесено якорное дело с Петровского завода).

18 июня геодезист Ульянин с подмастерьями и учениками отправился «для учинения от реки Сяси до Олонецких марциальных вод прешпективной дороги». Геодезистам велено было идти «с астролябиумом по старой дороге со всяким поспешанием и держать журнал, сколько в какой день перейдено будет верст, и пришед к марциальным водам подмастерью и ученикам объявить ландрату Муравьеву», а затем с вышеупомянутым журналом Ульянину ехать в Санкт-Петербург. В команду к геодезистам взяты были солдат и капрал, чтобы «быть при той команде до окончания той дороги». Геодезисты отправились в путь, присылая с дороги краткие сообщения о ходе работ. К 1724 году в России уже сложилась целая геодезическая служба, так как постоянно требовались сведения для детальных картографических характеристик местности. В обучении приобретались необходимые навыки обращения с геодезическими инструментами – астролябиями. Астролябические ходы были быстро внедрены в практику полевой картографии. Геодезисты выполняли многие поручения Адмиралтейств-коллегии по строительству дорог и каналов. Они испытывали огромные физические нагрузки и материальные лишения, описывая и измеряя огромные территории. Для измерения использовались мерные цепи (преимущественно десятисаженные) и веревки. Посланным в дальний путь геодезистам предстояла тяжелая работа, и долгое время никаких сведений об их передвижении в Адмиралтейств-коллегию не поступало.

Адмиралтейств-коллегия, в ведении которой находились олонецкие уезды, должна была собрать работников на строительство новой дороги. Предполагалось брать приписных крестьян из деревень, расположенных вдоль старой дороги (но не более 50 человек на 50 верст, которые понедельно менялись). Руководившее работами заводское начальство никак не могло собрать нужное число работников – в полях в это летнее время шли «непрестанные крестьянские работы». Царь торопил, так как работы, по его мнению, шли «медленно и леносно», геодезисты никак не могли завершить порученное задание.

Уже осенью Петр, требуя кратчайшего пути к источнику, указывал геодезистам, что, ежели где «дорога придет на церковь или деревни и на озера, в том месте до указа оставлять и строение не ломать, и о той работе и о строениях, паче о церквях, репортовать со всяким обстоятельством». Тут же царь потребовал от геодезистов их первый журнал. Возможно, это указание было сделано после личного осмотра царем проделанных на дороге работ.

С 9 октября царь отправился по маршруту Шлиссельбург – Ладожский канал – Старая Русса. Это была последняя в его жизни длительная поездка. Выбор маршрута не был продиктован какими-либо срочными делами. Скорее всего его интересовало состояние дорог на севере. В Шлиссельбурге он остановился, чтобы отметить очередную дату взятия крепости: прошло 22 года с того времени, когда он с войсками и двумя фрегатами прошел лесами и болотами глубинной Карелии от Нюхчи до Повенца, чтобы внезапным ударом взять ключ-город – Нотебург. Этот фантастический переход «по суху» позже получил у местных жителей название «Осударева дорога».

В этой поездке Петр проконтролировал, как идут работы по обводному Ладожскому каналу, строительство которого он открыл, прокатив 22 марта 1719 года первую тачку земли. По его указу от 12 сентября 1718 строить это сооружение в 104 версты длиной должна была вся страна – с 20 дворов по 1 че-

ловеку и закончить за два-три года. К его приезду был закончен участок в четыре версты, и Петр участвовал в пуске воды в русло и остался доволен. А неподалеку начали прокладку «перспективной» дороги на Марциальные Воды. Прямая дорога шириной в 12 сажень начиналась от села Сясь – примерно отсюда (точнее, от Ладоги, где строился канал) начинался водный путь на Петербург. Таков был план царя. Видимо, в конце октября – начале ноября Петр отправился на осмотр строительства новой дороги и побывал на Петровском заводе.

О новой дороге к Марциальным Водам к XIX веку сохранились лишь смутные сведения. Как писал краевед И. К. Чудинов, «была к водам другая дорога, минуя Петровские заводы, проложенная самим Петром прямо от Святозера; около Виданского погоста, мимо которого она пролежала, донныне видно место этого пути Петрова». Значительное сокращение расстояния до вод было связано именно с этим участком: от деревни Святозера путь лежал прямо на север. После того, как геодезисты отправились от Марциальных Вод в обратный путь, с севера началось строительство новой дороги. Были ли попытки исправления и «спрямления» других участков старой дороги, неизвестно. Возможно, участок «Марциальные воды – Святозеро» – единственный, который был «просечен» в 1724 году.*

23 октября царь побывал в Старой Руссе, которую впервые посетил в 1693. Он пожертвовал Воскресенскому собору на украшение древней иконы «Покров Богоматери» 100 рублей. Вернулся он в Петербург водным путем 27 ноября.

Об этой поездке рассказал А. Нартов: «Его величество, чувствуя в себе болезнь, но пренебрегая оною, отправился в сырую погоду на Ладожский канал, а оттуда в Сестербек водою,

---

* Академик Н. Я. Озерецковский, посетивший в 1785 источник, писал, что он «выехал на старинную большую дорогу, от Москвы к Марциальным водам проведенную, на которой находятся еще столбы с означенными на них верстами. Последний столб к Марциальным водам показывал от Москвы 949 верст». Здесь речь идет, конечно, о старом, первоначальном пути к источнику. Специальной дороги от Москвы к Марциальным водам не было, но расстояние было точно выверено.

и по возвращении видя оную умножившуюся Блументросту говорил: "Болезнь упряма, знает то натура, что творит, но о пользе государства тщись надлежит неусыпно, доколе силы есть"».

По одному из местных преданий в 1724 году царь посетил Петропавловскую часовню на острове, в находящейся на дороге на Олонец деревне Святозере. Узнав, что лес около часовни никогда не рубили, он приказал подать ему топор, чтобы попробовать срубить дерево. С первым же ударом он почувствовал сильную усталость и головную боль, а с дерева посыпались искры, как будто он ударил о камень. Царь передал топор слуге, но и тот ослабел. Рубка была остановлена. Вполне возможно, что в этой легенде отразилась история стротельства «прешпективной» дороги к Марциальным Водам, «просечка» которой оказалась «не по силам» самому Петру. Есть в этом предании и еще один, более глубинный смысл: царь замахнулся на древние священные рощи при часовнях и был «остановлен предками»...

После смерти Петра заводская канцелярия стала выплачивать в 1729 деньги «за пресеку» дороги крестьянам Святозерской волости, Мунозерского конца, Шуйского погоста, которые, видимо, и делали просеку от Марциальных Вод до Святозера.

ДВОРЦЫ

Такое название приобрела со временем небольшая деревушка из нескольких крестьянских изб, появившаяся в XIX веке рядом с остатками дворцовых строений бывшего курорта. В долине Равдсуо в январе 1718 началось строительство первого в стране курорта. Строительством руководил В. И. Геннин, через А. Д. Меншикова решая все возникающие проблемы. Строительный опыт у олонецкого коменданта был очень большой. При поступлении на русскую службу в 1697 он сообщал о себе: «С юности своей научен и ныне основательно

разумею архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких потешных огнестрельных вещей, японской олифой крашенные соломой изображения преизрядно на бумаге вырезать и прочие хитрости...». В 1699–1701 Геннин работал при Оружейной палате «при архитектурном деле». В годы Северной войны чертил планы, строил крепости на северо-западе в освобожденных городах, затем – пороховые заводы и Литейный двор в Петербурге.

В декабре 1717 олонецкий комендант побывал в столице и получил от царя указания о характере предполагавшегося строительства. После заключения Л. Л. Блюментроста о целебных свойствах воды обсуждается место – в непосредственной близости от источника – для деревянного дворца. Блюментрост определяет небольшую «охранно-санитарную зону» и место для строения в нескольких саженях от колодца. Источник был расчищен. В начале 1718 Геннин сообщил царю, что собирает плотников «к строению дворца твоего на кончезерские железные пожни». Царь собирался выехать на лечение в феврале 1718, поэтому торопил коменданта. 3 января 1718 Геннин сообщал Ф. М. Апраксину, что «заложил у колодезя дворец, как сам его царское величество изволил приказать».* Геннин переселился на источник и в середине января сообщил, что все будет «в готовности февраля в первых числах...». В конце января к строению прибыл А. Д. Меншиков – для «освидетельствования», и уже 26 января Геннин писал царю, что «к пришествию вашего царского величества дворец при минеральном колодезе совсем в готовности и горницы высушены и угару в них не будет».

Работа была выполнена менее, чем за месяц. Олонецкие плотники знали свое дело (недаром, уже будучи в Сибири, Геннин писал, что тамошние плотники – «пачкуны», не то что олонецкие).

Дворец из бруса был построен прямо на болоте, что требовало значительных работ по подготовке фундамента: как

---

* План дворца близок к плану деревянного дворца царя, выстроенного в 1703 на Лодейнопольской верфи.

и в столице, в болотистую почву приходилось сначала вбивать сваи. От Габозера, находящегося в полутора километрах, к дворцу была прорублена просека, позже на его берегах устроены две пристани. Дворец был максимально приближен к источнику и кратчайшим путем связан с озерно-речной системой – водным путем до Петровского завода (со временем на линии «дворец – источник – озеро» могли появиться интересные архитектурные решения, ведь Петр так любил водные затеи).

Судя по всему, вокруг дворца уже в 1718 был сделан специальный настил, так как ради сохранности источника осушение болота не предполагалось. Остатки этого настила описал академик Н. Озерецковский в 1785: «Попадаются березовые и ольховые круглые поленья, которые приняли на себя вид железной ржавчины ... Сказывают, что при начале заведения на Марциальных водах строения поделаны были на одной низкой равнине мосты из фашинника, который по времени заплыл». Таким же образом была вымощена и дорога к Габозеру.

Сохранившиеся планы дворца позволяют достаточно полно охарактеризовать это строение. По измерениям А. С. Ярцова, сделанным в начале 1770-х годов, здание имело 32 сажени в длину и 11,5 сажени в ширину. Первоначально это было П-образное в плане с двумя ризалитами одноэтажное здание, перед главным фасадом которого находился источник (выход к нему был несколько смещен к правому ризалиту). Позже эту асимметрию исправили, добавив еще один – центральный – ризалит, соединившийся с источником крытой галереей (чтобы, как сказано в «Дохтурских правилах», во время питья «отнюдь из избы не выходить»). Между ризалитами вдоль главного фасада была устроена балюстрада. Судя по описаниям курорта, главным украшением его строений (дворца и церкви) были ажурные белые балюстрады (возможно, в сочетании с красно-охристой раскраской стен). Позже к основному корпусу дворца были сделаны небольшие пристройки для разных служб. Источник заключили в «шатер» – восьмигранное сооружение, напоминавшее павильон

или небольшую часовню, которая «перекликалась» своим объемом с восьмериком Петровской церкви (построенной позже) и ее граненым алтарным выступом. В шатре висела чугунная доска В. Геннина об открытии источника. Справа от дворца вниз по небольшому склону протекал «поточек марциальный», к которому в 1718 была подведена небольшая лестница и рядом построен павильон – бювет.

«Поточек» был естественным продолжением «целебного колодезя» и впадал в Габ-ручей. Таким образом, «драгоценный колодезь» стал принадлежностью дворца, а «поточек», отведенный чуть в сторону, предназначался для приезжающих на лечение.

По первоначальному плану дворец выглядел скорее гостиницей, чем личной резиденцией царя, так как значительное место в нем занимали комнаты для свиты (восемь почти одинаковых «камор» и подсобных помещений). Соседство с шумной мужской компанией царя заставляло подумать о строительстве других «хором», более удобных для императрицы, которое и начато было в 1723, но так и осталось незавершенным (в описаниях говорится о срубе без окон и дверей).

Особые проблемы возникли с системой отопления, которую в условиях севера особенно нужно было продумать. Установить кирпичную печь в каждой комнате было невозможно, и Геннин, решил отлить на Петровском заводе для этих помещений по небольшой чугунной печке цилиндрической формы (печи типа «буржуйка», которые, возможно, использовались на судах). Разрешение на печи было получено, их было изготовлено более десятка. Печи были декорированы почти как олонекские пушки: в орнаментальном картуше размещались инициалы царя, дата и место изготовления: «OLONEZ» (добавлены были лишь цветочные гирлянды). Верх печи украшала корона. Вероятно, автором проекта печей был сам В. Геннин. Помимо кирпичных и чугунных печей, во дворце со временем устроили камин.

Так как царь в 1718 поездку из-за срочных дел (связанных прежде всего с делом царевича Алексея) отложил, Геннин в

течение 1718 года продолжил отделку дворца. К 1719 во дворце было 20 небольших комнат и один большой зал длиной в 15 сажень. Комнаты для царя (как всегда, очень небольшие) находились в левом крыле: токарня, спальня, контора, «чулан, где книги лежат». Здесь же расположились комнаты государыни (в 1724 их было четыре) и мыльня. В противоположном крыле, за залом, находилась кухня с подсобными помещениями, где управлялся царский кухмейстер Юрье Фельтен. Между этими помещениями параллельно залу располагались комнаты для гостей.

К первому приезду царя Геннин выслал ему план с перечислением, кто из свиты какую комнату займет. В каморах по порядку должны были разместиться: генерал-прокурор П. И. Ягужинский, кабинет-секретарь А. В. Макаров, поп Иван Хрисанфович Битка, денщик полковник Блеклой, капитан Урусов, князь Панин, адмирал Ф. М. Апраксин, генерал-поручик И. И. Бутурлин, канцлер И. М. Головин, кухмистр Юрье Фельтен, поручик Василий Алсуфьев, господа В. Монс и Кошелев – в некоторых комнатах размещалось по два-три человека. Остальные участники поездки жили в других строениях. Обстановка дворца была самая простая, к 1725 здесь имелось 60 кроватей и 20 деревянных столов. Большинство приезжающих привозили с собой какие-то предметы обстановки и увозили их, пользуясь дворцом как гостиницей. Со временем покои для адмирала Ф. М. Апраксина стали называть «адмиральскими» (четыре каморы, в одной из которых висел образ Николая Чудотворца).

Для общих трапез и развлечений был предусмотрен зал (длина 15 сажень, площадь около 90 кв. сажень), куда имелся вход из большинства жилых «камор». К 1720 году из зала через прямоугольный тамбур и крытую галерею можно было пройти прямо к колодцу. В «Походном журнале» 1720 года говорится, что во дворце «кушали вместе, и при Их Величестве за одним столом ели всех чинов 60 персон». В зале было четыре стола, шесть скамеек, шкаф с замком и бильярдный стол, который был изготовлен по инициативе Геннина уже

в январе 1718: бильярд в это время начинает входить в моду, появляется в дворцовых залах пригородных резиденций (например, в Стрельне). В зале висели две иконы – Спаса Вседержителя и Богоматери Всех скорбящих радость. Возможно, самой большой ценностью для Петра в убранстве дворца была икона Богоматери (первоначально она находилась в токарной).

Смысл иконного сюжета – изображение больных и бедствующих, которые молят Богородицу об исцелении и помощи. Находящиеся между ними ангелы совершают благодеяния от имени Богоматери.

Протограф иконы, известный с 1643 года, находился в московском храме Преображения, от этой иконы по преданию исцелилась сестра патриарха Иоакима Евфимия. В 1711 любимая сестра Петра I Наталья Алексеевна перевезла ее в Петербург, и икона стала одной из самых почитаемых в столице. Вероятно, у Петра I имелся список этой иконы, который и был привезен на Марциальные Воды.*

Когда в конце XVIII века дворец снесли, икона была помещена в иконостас Петровской церкви, где она находилась до 1949, после чего попала в один из столичных музеев.

В течение 1718 года были также построены дом для царицы Прасковьи Федоровны «с царевнами», дом для лекаря, изба для лекарского ученика, а также поварни, хлебня, погреба, офицерские и людские избы, командирский двор, кордегардии и рогатки – для размещения охраны курорта.

Таким образом, уже в 1718, помимо двух дворцов, здесь насчитывалось свыше десяти строений для хозяйственных нужд и услуги. В 1718 при дворце имелась нанятая из местных крестьян прислуга, находилась постоянная охрана.

В августе 1724 Петр приказывает ландрату Муравьеву пристроить к дворцу манеж, «где бы на лошади проезжаться было зимой мочно и чтоб тепло было, в ней мосту никакого

---

* Одна из чудотворных икон «Богоматерь Всех скорбящих радость» сопровождала Петра I в Прутском походе. Известно, что в 1709 царь запрашивал образ Богоматери из Смоленска.

не надобно, только черною землею и песком убить». Начертив план, царь указал место для пристройки – «из сих, которое место ровное, тут и сделать какову велечиною как начертаны, а вышиною против старой (галереи. – Л. К.), где пьем воду». Судя по более поздним планам, манеж был пристроен к западному крылу дворца, но по причине смерти царя так и не понадобился.

Участвовал ли в строительстве курорта кто-нибудь из архитекторов петровской эпохи? По требованию царя на Марциальные воды приезжало несколько архитекторов, каждый из которых мог стать консультантом или предложить план того или иного строения, в том числе Ж.-Б. Леблон, Д. Трезини, Н. Микетти, С. фан Звитен, И. Браунштейн.

К 1721 недалеко от второго источника (время его обнаружения неизвестно) была построена специальная линнея – гостиница для пациентов Марциальных вод. По-видимому, это было предельно простое по планировке деревянное здание с 20 «каморами». В каждом помещении имелась печь и окно. Дворец и линнея на марциальных водах напоминают по своему назначению так называемый «Красный» или «Вольный» дом в Петергофе, построенный в 1723 по проекту архитектора Н. Микетти, – одну из первых дворцовых построек Петергофа. Здесь останавливались гости, приезжавшие в летнюю резиденцию царя. Дом был деревянный, довольно большой. Для развлечений в нем установили бильярд, в зале висели собственноручно составленные Петром I «Правила поведения гостей в резиденции», известные под названием «Пункты о Петергофе», пять пунктов, регламентировавших проезд и размещение гостей.

После смерти Петра на курорте оставался большой запас кирпича – несколько сот тысяч штук, – предназначенного, вероятно, для новых строительных работ.

Единственным архитектурным памятником первого русского курорта, сохранившимся до настоящего времени, является церковь Апостола Петра, которую, как и Петропавловский собор в Петрозаводске, местное население считало

«новоманерной». Строительство церкви в 1721 означало, что источник прошел проверку. Возможно, уже во время пребывания на водах в 1720 план церкви был предложен царем. Строительством руководил ландрат Муравьев.

По своему объемно-пространственному решению церковь представляет собой широко распространенный в петровскую эпоху тип одноглавого храма. Его распространенность можно объяснить простотой строительства. Марциальноводская церковь очень напоминает небольшие деревянные церкви, которые возводились из бруса на новостройках царя в первой четверти XVIII века. Вполне возможно, что эта церковь строилась по аналогии с церковью Апостола Петра на Лодейнопольской верфи, так как иконостас был перевезен в 1721 отсюда.

Перемещения икон, иконостасов, церковной утвари, священнослужителей из одного храма в другой были в петровскую эпоху обычными. Достаточно сказать, что иконы для Петропавловского собора на Петровском заводе были перевезены из Москвы, священник переведен из села Дединова Коломенского уезда – родины русского флота, а большой колокол доставлен из Александро-Свирского монастыря. В марциальноводскую церковь утварь по приказу Петра также была привезена из Александро-Свирского монастыря.

В крестообразном плане марциальноводской церкви выражены ее главные объемы, нанизанные на одну продольную ось: притвор – основное храмовое ядро – иконостасное пространство и апсида. Традиционным является тип завершения храма – восьмерик. Восьмерик над четвериком удваивал число фасадов, обращенных к зрителю двумя-тремя гранями, стимулировал круговой обход здания на мало-застроенной местности. Важное дополнение к объемно-пространственной композиции храма – колокольня, сменившая в середине XVIII века ветхую звонницу. Восьмерик церкви покрыт граненым уплощенным куполом, над которым возведен высокий граненый шпиль, напоминающий о другом «новоманерном» храме – на Петровском заводе. Ал-

тарная апсида, как и крылья алтарного пространства, имеет вид пятигранника. Скаты кровель напоминают вальмовые крыши петровской эпохи (скорее всего, крыша дворца была того же типа). Так как основной объем храма – зального типа, в нем, как и в алтаре – большие окна, имитирующие полуциркульные, более свойственные каменному зодчеству. Стены были в XIX веке окрашены охрой, возможно, уже и при строительстве, что вполне характерно для архитектуры тех времен. Вокруг церкви была построена балюстрада с токарной работы балясинами, окрашенными, как и наличники, в белый цвет.

Церковь была построена выше, чем дворец – как бы на следующей террасе, и доминировала над строениями небольшого курортного поселка. Поднявшись по ступеням с перилами из балясин на паперть, прихожане входили в небольшой притвор с круглым окном, затем через широкий проем дверей попадали в хорошо освещенную четырьмя окнами основную часть храма. «Освещала» храм и белизна иконостасного обрамления – окрашенной в белый цвет резьбы. Основные стены были неокрашены, впрочем, в XIX веке упоминается об их побелке.

Главное украшение храма – двухъярусный иконостас, перевезенный из церкви Лодейного Поля. Отсутствие в храме иконы Апостола Павла свидетельствует о посвящении его только Апостолу Петру. Для ранней петровской эпохи характерны подобные посвящения, хотя со временем вернулись к «Петропавловским» церквям – как более принятым в русской традиции. На олонецких новостройках – Лодейнопольской верфи и Петровском заводе – в начале XVIII века были представлены оба варианта посвящения.

Возникает закономерный вопрос о возможности посвящения церкви на лечебных водах святому Пантелеимону, но факт перемещения иконостаса из другой церкви этот вопрос снимает. В иконостасе икон святых-целителей не было.*

---

* Церковь Св. Пантелеимону Петр I посвятил в мае 1722 – это церковь на Партикулярной верфи в столице, строительство которой было начато в 1721.

Иконостас – двухъярусный и состоит из местного и страстного рядов. Местный ряд включает иконы Спаса Вседержителя, Богоматери Одигитрии, Апостола Петра, Александра Невского, Иоанна Златоустого и Николая Мирликийского – они выполнены в смешанной технике. Иконы второго яруса – с изображением «Страстей», за исключением «Тайной вечери» – круглые и написаны маслом на холсте. Архитектурно-декоративное решение иконостаса связано с использованием так называемой «белорусской» резьбы, т. е. резьбы с раскраской, в которой присутствуют характерные иконостасные мотивы: виноградные лозы с объемными головками херувимов. Цветовое сочетание – белое и синее – напоминает об одном из распоряжений Петра I, касающегося окраски корабельных кают: разрешалось использовать только синюю и белую краски, позолота исключалась.

Стилистически иконопись тяготеет к школе Оружейной палаты, среди живописцев могли быть и иностранцы. К началу XVIII века многие иконописцы и резчики Оружейной палаты были отправлены на украшение кораблей, работали на новостройках, в том числе на верфи в Лодейном Поле. Иконография большинства икон связана с западноевропейской традицией, это скорее «иконы-картины», чем образцы традиционной православной иконописи. Главная храмовая икона – «Апостол Петр». Она содержит два сюжета: изображение молящегося Апостола и сюжет «Хождение по водам». Апостол в страстной мольбе обращается к Вседержителю, у его ног – ключи, за спиной – прямоугольный проем в большой скале, в котором виден морской пейзаж. Море бурное, на волнах качается небольшая парусная лодка с пятью апостолами, над лодкой развевается трехцветный морской флаг России. Икона воспринимается как живописное произведение с ясно заявленными темами – морского пространства и флота и покровительствующих им Христом и Апостолом Петром («Христос ходил путем водным», – говорилось в одной из реляций в день Ап. Петра и Павла). Подбор других икон в местном ряду также «работает» на заявленную тему: Это

образы святых – соименников предшественников Петра I в борьбе за выход к Балтийскому морю.

Как известно, наибольшим уважением среди героев отечественной истории во времена Северной войны пользуется воин-святой Александр Невский. Культ Невского возводится в ранг государственной политики. С 1710 имя Александра Невского упоминают при богослужении, с 1713 совершаются особые службы в его честь. Александр Меншиков осознает свою особую роль в пропаганде этого культа, так как именно его называют «новым Невским». На триумфальных воротах у дома Меншикова по поводу торжественного въезда в Москву 19 декабря 1704 была изображена сцена, где Петр I вручал Меншикову ключи от Ливонии в знак его губернаторства. Царь немало сделал для увековечения памяти воина-святого. Александр Невский изображен на иконе в монашеском одеянии, но с оружием у ног и с изображением западного типа крепостных сооружений. Эта двойственность в восприятии образа в условиях приближающегося торжества по случаю перенесения мощей Александра Невского в посвященный ему монастырь, была вскоре устранена. 5 июня 1724 Синод постановил, чтобы Александра Невского «в монашеской персоне никому отнюдь не писать, а писать ... в одеждах великокняжеских». Известный церковный деятель петровской эпохи Гавриил Бужинский ставил победы русского оружия в прямую зависимость от заступничества князя Александра. В церковный обиход была введена молитва о процветании русского флота.

Следующая икона «Иоанн Златоуст» – покровитель Ивана Грозного. Известно, что Петр I любил сравнивать себя с Иваном Грозным и считал себя прямым его продолжателем. По случаю мира со Швецией были воздвигнуты триумфальные врата, где триумфаторами были Петр Великий и царь Иван Васильевич, чья Ливонская война также имела своей целью выход России на Балтику. На иконе у ног Златоуста изображены крепости с латинскими крестами на башнях. И наконец, в местном ряду находится образ Николая Мирликийского – главного покровителя мореплавателей и путешественников,

любимого святого северян. Справа от Христа помещена икона Богородицы Одигитрии (Путеводительницы).

В интерьере храма имеются особенности, не характерные для традиционных православных храмов: деревянные скамьи у стен, отсутствует царское место. Для отопления церкви справа и слева от иконостаса были установлены две чугунные печи в виде ваз с языками пламени, отлитые на Петровских заводах (первоначально была и третья печь – в алтаре). В алтаре находилось большое резное Распятие. Для церкви в токарне царя были изготовлены деревянные подсвечники, окрашенные под камень, позже царь повесил перед иконой Апостола Петра костяное паникадило.

Храм в течение XVIII–XX веков неоднократно ремонтировали и реставрировали на средства горного ведомства, но, как свидетельствуют архивные материалы, заводские власти старались сохранить его первоначальный облик.

Помимо курортного комплекса на олонцеком источнике, в связи с поездками царя, был построен путевой дворец на Петровском заводе (ныне Петрозаводск) и небольшое строение при дороге на Петербург (его стали называть «дворцом на Половинном стану») – в районе современной деревни Половина (о строительстве которого между 1718–1719 упоминается в записках о путешествии на воды А. Д. Меншикова в 1719). Дворец в Половине существовал до середины XVIII века и ремонтировался за счет олонецких заводов.

Царь обязательно заезжал на Петровский завод и, вероятно, после первой своей поездки на марциальные воды отдал распоряжение о строительстве при заводе небольшого деревянного дворца. «Походный журнал» 1720 года содержит записи об осмотре дворца на Петровском заводе и отдыхе в нем Петра и Екатерины: 5 февраля «ея величество приехала на заводы Петровские и кушали в доме своем, играя в бирюльки и в шахматы». В этот приезд на Петровском заводе царь провёл пять дней, на обратном пути – четыре дня.

Путешествие царя по европейским странам в 1716–1717 годах и связанные с ним художественные впечатления, как

известно, оказали большое влияние на характер застройки столицы и пригородных резиденций Петра I. Строившийся в это же время скромный дворцовый комплекс в заводской слободе не мог не отразить общих тенденций. Автором проекта дворца мог быть любой из архитекторов, приезжавших на воды. Небольшие дворцы были более по натуре царя, деревянный двухэтажный дворец напоминает образцовый дом «для именитых» (проекты таких домов разрабатывал архитектор Ж.-Ф. Леблон).

Постройки петровской эпохи были утрачены еще в XVIII веке. Дворцы на марциальных водах в первой половине столетия дважды ремонтировались, правда, без участия архитектора, силами местных плотников и столяров. Горное начальство в первые десятилетия после смерти Петра I выделяло для охраны строений курорта специального сторожа. Но при строительстве нового Александровского завода в Петрозаводске его начальник А. С. Ярцов попросил у Берг-коллегии разрешение на снос дворца Петра I на источнике, так как собирався вести разработку руд Дворецкого рудника. В 1773 после осмотра строения он решил, что дворец можно частично сохранить, по пять сажень в ширину и длину – «для приезжающих пользоваться». К концу 1780-х дворец за ветхостью был снесен. Примерно в это же время разрушились дворцы Прасковьи Федоровны и Екатерины I, а также дворец в Петрозаводске. В большей степени повезло церкви Апостола Петра. К 1737 при этой церкви не было прихода, а на Кончезерском заводе не было церкви, и мастеравые Кончезерского завода, включая иностранцев, обратились в Канцелярию Олонецких заводов с просьбой о регулярном посещении храма. Указом Синода было разрешено «отпускать верующих к оной церкви без всякого медления, кто когда пожелает». В 1739 в этой церкви, «чтоб крестьяне не бежали от горных работ», их приводили к присяге и брили головы «как рекрутам, для удержания от побегу». Рядом с церковью был дом священника, а в середине XIX века построили дом для сторожа, который сохранился до настоящего времени.

К середине XIX века деревню под названием Дворцы чаще всего навещали горнозаводские чиновники. Горное ведомство продолжало сохранять церковь и источник как памятники петровской эпохи, время от времени «поправляя» колодец.

В 1819 планировалась поездка на Марциальные Воды императора Александра I. Перед его приездом обнаружилось, что дорога в источник заросла лесом, а мосты «огнили». Однако из-за сильных дождей в августе дорога стала совсем непроезжей, и поездка была отменена.

В 1833 источник был очищен и над ним устроили деревянный шатер, напоминающий часовню. В 1831 в очередной раз была отремонтирована («перебрана заново») церковь и в 1832 заново освящена. К приезду императора Александра II горнозаводское начальство в 1858 приказало снести обветшавшее строение над источником. По проекту заводского архитектора И. Чебаевского был построен новый – в виде деревянной ажурной беседки в «мавританском стиле» павильон, в котором была установлена чугунная доска В. Геннина об открытии источника, а также чугунный бюст Петра I, отлитый на Александровском заводе. Особый интерес к деревне Дворцы местные власти стали проявлять в 1872 году в связи с готовящимися торжествами по случаю юбилея – 200-летия со дня рождения Петра Великого.

В 1871 на источник приехал известный энтузиаст в пропаганде развития производительных сил российских северных территорий М. К. Сидоров, который заинтересовался возможностями возрождения забытого источника. Побеседовав с жителем деревни, он узнал, что источник посещают в основном приезжающие на водопад Кивач. Но, как сказал ему один крестьянин, чудесные исцеления по-прежнему были, несколько лет назад жили у источника «двое военных, приехали они на костылях, а ушли, оставив их здесь». Путешественник высказал восхищение красотами местной природы и предложил заново сделать химический анализ воды для возрождения интереса к забытому источнику здоровья. Однако вместо курорта, он предложил устроить дачи,

так как «продукты здесь недороги, есть луга для содержания скота», а в Петрозаводск можно добраться водным путем... Еще раньше, в 1858, местный краевед И. К. Чудинов высказал предположение, что если бы кто-нибудь из «полезных членов общества, с избытком наделенный земными благами» взялся устроить «помещение для больных» и для обеспечения его открыл торговое заведение, то «возвратил бы с избытком употребленную на это предприятие сумму: летом были бы посетители к водам, а зимой товар расходился бы с возчиками руды, ежедневно проезжающих по этой дороге огромными партиями».

В 1870–1880 годах на волне реформ Александра II началась эпоха массовых путешествий. В эти годы число путешествующих дополнили предприниматели, служащие предприятий, чиновники, для обслуживания которых создавались специальные туристические компании. Первая такая компания обслуживала путешествующих по соседству с Олонией, это «Акционерное общество Иматры». Известный водопад в Финляндии, соперничающий по красоте с Кивачом, все больше привлекал желающих полюбоваться экзотикой северной природы.

Олонецкий губернатор Г. Григорьев решил начать работу по привлечению туристов в Карелию, прежде всего к знаменитым водопадам. Губернатор старался сделать более удобными дороги и одной из первых привел в порядок дорогу на Кивач через Марциальные Воды, а также издал туристическую карту местности. Григорьев заботился о сохранении и изучении памятников петровской эпохи, хранящихся в церкви, и предлагал передать некоторые из них в Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей. Вероятно, поэтому большинство реликвий петровской эпохи сохранилось. К концу XIX – началу XX столетия количество путешественников росло, озерно-речная система от Онежского озера до Кончезера активно использовалось экскурсантами. В 1894 по проекту архитектора Сазонова горное ведомство построило на Равд-болоте павильон над другим источником – к приезду великих князей.

Деревня в три-четыре дома, Петровская церковь, дом сторожа в «русском стиле» и два павильона над источниками – так к началу XX века выглядело селение, которое называли то «Дворцы», то «У дворца».

КУПОРОСНЫЙ ЗАВОД

Во второй половине XVIII века болото Равдсуо продолжало удивлять специалистов горного дела своими минеральными богатствами. А. С. Ярцов, строитель Александровского завода, писал, что здесь «лучшая и крепкая руда, а сверху и меж оной слоями попадает купоросная земля, а при варке сего купороса попадают и квасцы, а сверх того же здесь находящихся минералов. Самую большую вероятностью сказать можно, что оне единственно произошли от помянутого марциального источника».

Упомянутая А. Ярцовым купоросная земля привлекла в середине XVIII века внимание асессора Монетной канцелярии И. А. Шлаттера, который в 1730-х совершил поездку по олонечким заводам и рудникам. Месторождение показалось ему перспективным: купоросная черная земля лежала на болоте под железной рудой слоями, в сажень толщиной. В 1746 И. А. Шлаттер, восстановивший и перестроивший Монетный двор в Петербурге, основывает в Петропавловской крепости лабораторию отделения золота от серебра, где проходят переработку руды, содержащие драгоценные металлы, из Сибири и Урала. В 1740-х были открыты серебро-свинцовые месторождения Колывано-Воскресенских заводов. Серебро с этих рудников стали отправлять для разделения и очистки на петербургский Монетный двор, где процесс разделения был организован лучше и обходился дешевле. Начиная с 1752 все серебро Колывано-Воскресенских заводов должно было поступать сюда. В середине XVIII века аффинаж (разделение) благодаря исследованиям И. А. Шлаттера был так хорошо освоен, что вполне удовлетворял потребностям государства. Под «очи-

щением серебра» подразумевалось очищение от имеющихся в нем материалов, что позволяло довести чистоту металла до 993-й пробы. Одним из способов очистки был так называемый «мокрый способ» с использованием «крепкой водки», т. е. азотной кислоты, которая получалась в результате взаимодействия селитры с железным купоросом.

По этой причине решено было подыскать место для строительства купоросного завода сравнительно недалеко от столицы. Берг-коллегия отправляет для исследования на Дворецкий рудник комиссара Андрея фан дер Слотена – «для осмотру имеющихся при марциальной воде железных и купоросных руд и протчих серных колчеданов» и подбора необходимых для пробы образцов. В 1751, после повторных исследований, на Дворецком руднике строят небольшой завод по «выварке купороса». Несколько деревянных строений скоро были готовы, а необходимое оборудование (лари, бочки, чаны, сита) изготовил Кончезерский завод.

Различные отрасли химического производства в России – производство селитры, смолокурение, варка купороса – в середине XVIII века находились на стадии мелкотоварного производства и, как правило, содержались купцами и крестьянами. Эти предприятия были, в сущности, мелкими мастерскими, где работало по 10–20 человек. Таким же был и купоросный завод, только находился он не в руках частного предпринимателя, а был подчинен императорскому Кабинету. Сам процесс изготовления купороса не был сложным, но представлял определенную опасность для здоровья работников. Во время работы едкие испарения и пыль разрушали не только одежду, но и здоровье работников, и некоторые из них получили хронические болезни. После «выварки» купорос складывали в бочки и на Кончезерском заводе производили его цементовку, здесь его сушили и разбивали чугунным валом, а затем, просеяв через сита, отсылали в Петербург.

В 1764 обветшавшие строения купоросного завода, спрос на продукцию которого возрастал, перестраивают. В 1773 ра-

бочий завода Захар Варламов предложил «свой способ к выварке большего количества купороса», за что ему прибавили 20 рублей в год. В 1784 в штате купоросного завода были один мастер, два подмастерья, 20 работников, которые заготавливали и руду для выварки купороса. На выварку 200 пудов необходимо было 16 552 пуда руды, которая заготавливалась при заводе и «лежала слоями вообще с рудой, от которой ее только отделяли и очищали». На варку поставлялось вольным наймом 300 сажень дров. В 1785 купоросный работник Максим Куракин сделал деревянную модель для построения нового купоросного завода, «и она оказалась несравненно выгоднейшей» и была преподнесена генерал-губернатору Т. И. Тутолмину, который наградил Куракина чином купоросного подмастерья и установил ему жалованье в 36 рублей в год, приказав держать его «безотлучно при варении купороса». Только что принявший в управление огромные северные губернии Т. И. Тутолмин всячески старался «расшевелить» их промышленный потенциал: о рационализаторском предложении Куракина он приказал объявить при собрании мастеровых Александровского завода, «чтоб те подражали ему и старались всеми мерами изобрести средства к лучшему соблюдению казенного расхода». * В 1785 купороса производилось до 1200 пудов в год (завод работал только в летнее время). Казне пуд купороса обходился в 61 5/8 копейки. Как писал Н. Я. Озерецковский, «по избытию купоросной земли» можно было производить значительно больше, не только для Монетной экспедиции, но и на продажу или выгонку из него купоросного масла, «которое было бы у нас свое, а не выпитое из чужих краев, откуда каждый год вывозят его к нам довольно великое количество».

В 1797 Горная экспедиция заключила договор с петрозаводским купцом Красным об арендном содержании купоросного завода. В 1801 по указу Берг-коллегии кунгурский мещанин Иван Кузнецов и петербургский купец Филипп Москвин

---

* К сожалению, неизвестно, в чем заключались «рационализаторские предложения» и как они способствовали продуктивности работ.

берут купоросный завод в аренду на четыре года. Купорос они предполагают поставлять казне, уступая с пуда по пять копеек, при себестоимости один рубль 70 копеек за пуд.

Купоросный завод как химически активное предприятие, безусловно, нанес вред минеральным источникам, кроме того, в результате длительной разработки руд было нарушено естественное движение воды, что в конечном итоге привело к утрате первых – петровского времени – источников. Те источники, которые видели посетители вод в XIX веке, были расположены уже в иных местах Дворецкого болота.

К 1780-м годам от петровских дворцов мало что осталось, колодец марциальной воды был почти засыпан. В 1786 петро-заводский краевед Т. В. Баландин написал:

*Минеральных вод гремящая слава
Есть Петрозаводску немалая награда,
Хоть тень забвения покрыла ея силу,
Землей подавило и засорило жилы,
Но слава ея целительных сил в книгах гремит,
Хоть иссякнет колодец,
Но славы не затмит,
Ибо начертан великой рукою
И прославлен монаршей хвалою.*

ИССЛЕДОВАНИЯ МАРЦИАЛЬНЫХ ВОД В ПОСЛЕПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

О каких книгах писал Тихон Баландин? Из биографии краеведа известно, что он, будучи в Санкт-Петербурге, много занимался самообразованием. Возможно, Т. Баландин читал «Академические известия» за 1780 год, где автор одной из публикаций сообщал, что россияне тратят на чужестранные минеральные воды огромные суммы (на поездки на европейские источники и привозные воды), в то время как свои источники почти забыты. Далее автор перечислил следую-

щие «минеральные воды всякого рода»: марциальные ключи в 7 верстах от Кутомарского завода в Нерчинском уезде, в Олонце, в Борисове неподалеку от Травершанки, в 100 верстах от Старой Руссы к Торопцу, в Киеве возле Либитского ручья и в Павловске в 40 верстах от Москвы «Сверх сего, – продолжал автор, – мы имеем еще ключ марциально-алкалический преимущественной доброты в Кавказских горах». Олонецкие воды, действительно, не были забыты.

История медицины России середины XVIII века неразрывно связана с именем голландского доктора Авраама Каау-Бургаава. Он родился в Гааге в 1715 и был родственником знаменитого профессора Германа Бургаве (к нему обращались за советом во время смертельной болезни Петра I). Бургаав прибыл в Россию в 1742 и после отставки Иоганна-Германа фон Лестока в 1748 стал лейб-медиком Елизаветы Петровны и директором Медицинской канцелярии. По представлению Бургаава Сенат принял 24 июля 1750 указ, по которому все заграничные минеральные воды могли приобретаться не иначе, как через Медицинскую канцелярию (то есть по сути был повторен петровский указ 1720 года). Для закупки минеральных вод в европейских странах К. Бургаав определил своего комиссионера доктора Аша. Как только была введена эта система, количество ввозимой воды резко увеличилось, как и доходы ее поставщиков. Историки медицины (вероятно, справедливо) полагали, что при таких доходах чиновникам от медицины не было никакой нужды заботиться о распространении местных лечебных вод.

В 1748 в связи с предполагавшимся строительством купоросного завода вблизи марциального колодца императорский Кабинет возможно, по указанию императрицы Елизаветы Петровны, предложил провести новые исследования лечебных свойств некогда знаменитого источника. Отправленный на Кончезеро аптекарь Главной аптеки Санкт-Петербурга Модель провел анализ воды и обнаружил в ней, помимо железистых соединений, сернокислый натр. В 1752 Бургаав поручил Моделю сделать еще одно исследование, а затем отправил на

олонецкий источник провизора Главной аптеки Давида Бера с просьбой подробно описать местность у источника и состояние дворцов, а также привезти в столицу воду для анализа (Бер привез 27 кувшинов и 21 бутылку). По результатам исследования Бургаав доложил в императорский Кабинет, что в воде есть соль и «железная земля», но нет самого нужного – «колодезного духу» (углекислого газа). То, что в свое время обнаружил в воде Л. Блюментрост, обнаружил и Модель, но в значительно меньшем количестве. Бургаав предположил, что вода смешалась с дождевой водой и нужен зимний анализ. В феврале 1753 Бер снова съездил на источник и пробыл там в течение месяца, проводя исследования на месте и привезя с собой 33 кувшина в столицу. Модель в присутствии других врачей столицы провел анализы, затем приказано было опробовать воду на больных в госпиталях (что само по себе странно, так как Бургаав знал, что вода через день теряет свои лечебные свойства). 29 апреля 1753 совет докторов подписал составленное Моделем отрицательное заключение о лечебных свойствах марциальной воды. Исследователь истории медицины Я. Чистович считал, что это решение было принято под влиянием Бургаава, не заинтересованного в развитии русской бальнеологии.

30 июня 1753 Бургаав доложил императорскому Кабинету, что при этом анализе минеральных веществ в воде оказалось еще меньше и пользы больным от нее никакой. Он объяснял такой результат тем, что вода – не из первоначального петровского источника, а из «иной жилы». Недостатком воды было и то, что «к вывозу и содержанию она не способна», что для Бургаава, видимо, было главным. Он предлагал углубить колодец, благоустроить местность и для более полного представления о составе вод источника определить туда на долговременное проживание доктора – за счет Канцелярии олонекских заводов, понимая, что на такие расходы заводское начальство не пойдет.*

---

* Поездки столичных гостей заставили поверить в возможность восстановления курорта, и горнозаводское ведомство отремонтировало строения петровской эпохи – дворцы и Петровскую церковь.

В середине XVIII века начинается большой приток в Россию минеральной воды из Европы, торговля которой приносит большую прибыль. Многочисленные объявления о продаже привозной воды появляются в Петербурге. Стоимость воды в столицах в 1760-м: одна бутылка из Спа – 60 копеек, из Пирмонта – один рубль, Бристольская – 50 копеек, зельтерская – 60 копеек за кувшин. В 1750–1752 в Петербург и Москву было привезено вод на 7189 рублей. Заметное распространение в российских городах приобрела зельтерская вода. В 1755 Венель открыл в зельтерской воде угольную кислоту и обнаружил сочинение об искусственном подражании природным водам, что вызвало появление на рынке, в том числе в России, так называемых «искусственных» вод.

Академик А. И. Гильденштедт, автор статьи в «Академических известиях», в 1776 на заседании в Академии наук в присутствии императрицы произнес «Речь о произведениях российских, способных к содержанию всегда выгодного превосходства в продаже в чужие края Российских товаров пред покупкою иностранных». В своем выступлении он как бы подвел некоторый итог начатого в петровскую эпоху шествия открытий минеральных вод.

Ни один из открытых тогда и перечисленных доктором источников так и не спровоцировал строительства хотя бы небольшого курорта с более или менее развитой системой лечения; минеральная вода из этих источников почти не продавалась. Известны лишь отдельные попытки: в 1840-е у деревни Полюстрово, где «было несколько счастливых выздоровлений», появился предприимчивый И. И. Излер и «явился курзал с музыкой, танцами, фейерверками, оркестром». Из открытых в петровскую эпоху минеральных источников использовались ключи у Сарепты, куда на исследованный когда-то Шубертом источник продолжались поездки. Оттуда же с 1778 в Москву привозили воду, которую употребляли «знатные господа вместо иностранных минеральных вод». По словам академика Гильденштедта, в Москву этой воды привозили в год по несколько тысяч бутылок.

Призыв Гильденштедта к изучению и использованию отечественных источников был поддержан представителями академической науки. Следующий этап в изучении минеральных вод России можно назвать академическим. Но еще в 1742 М. В. Ломоносов в «Первых основаниях горной науки» констатировал, что минеральные воды, которые «до металлургии свойственно и не касаются, однако их без описания пропускать здесь нельзя». Впоследствии в программы исследований минеральных ресурсов вносятся минеральные воды, и во второй половине XVIII века появляются исследования источников разных районов Российской империи. В 1785, путешествуя по Северу, занимался изучением олонецкого источника ученый Н. Я. Озерецковский, а еще раньше, в 1779 – Лаксман. В 1792 Озерецковский опубликовал «Наблюдения над водами марциальными в провинции Олонецкой», где описал олонецкий источник с точки зрения ученого-натуралиста, впервые обратив внимание на комплексное исследование вод, почв, горных пород и руд.

Курорты в России в европейском смысле этого слова возникают лишь с начала XIX века. В их развитии немалая роль принадлежит южным территориям, присоединенным к России в екатерининскую эпоху. С начала XIX века лечение на российских водах распространяется среди высших слоев русского общества. Кавказские лечебные местности привлекают все больше посетителей, тема лечения на водах входит в русскую литературу. «Машук, податель струй целебных. Вокруг ручьев его волшебных больных теснится бледный рой», – писал А. С. Пушкин.

В сфере курортного дела появляются предприимчивые люди. В 1803 гоф-маршал А. П. Нащокин в своей усадьбе Рай-Семеновское на берегу реки Нары, где были теплые минеральные источники, выстраивает водолечебницу, питьевой зал, несколько домов и гостиницу. Липецкие Воды входят в моду. Понадобилось почти столетие после открытия первого российского курорта Марциальные Воды, чтобы появились объективные условия для строительства курортов и разви-

тия бальнеологии. Только личной заинтересованностью царя Петра можно объяснить резкий скачок в развитии курортного дела в России в первой четверти XVIII столетия.

В 1828 олонекские воды изучал профессор Нелюбин и дал отрицательный отзыв. Проводились в XIX веке и другие исследования. Подводя итоги геологических исследований окрестностей Кончезера, горный начальник Олонекских заводов Р. А. Армстронг констатировал в 1832, что «окрестности Марциальных вод в геогностическом отношении с точностью не обследованы». Он же, характеризуя особенности строения горных пород, писал: «Местные обнажения гор открывают две породы – диабаз и брекчиевидную породу, коей основание составляет афонит». Свойства марциальных вод Армстронг ставил в зависимость от «разложения колчедана сланцевых пород».

МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ В XX ВЕКЕ

После закрытия купоросного завода минеральное сырье бывшего Дворецкого рудника продолжало интересовать предприимчивых людей. Уже в начале XIX века англичанин Томас Друри, работавший на Александровском заводе, «присмотрел» в ржавом Равдсу хорошие возможности для организации красочного производства и отправил в Санкт-Петербург большое количество местной «вохры». Друри открыл в столице красочную фабрику, продукция которой экспонировалась на первой промышленной выставке. Местные крестьяне также использовали охру для своих хозяйственных нужд.

В конце XIX – начале XX века возрождается интерес предпринимателей (в основном столичных) к разработке месторождений минерального сырья. Этот интерес был характерен для середины XIX века, но многие начинания того времени заглохли. Предприниматели обращают внимание на традиционные территории олонекских горных заводов: месторождения железной руды, Олений остров с запасами извести.

Растущий промышленный потенциал столицы требовал разнообразного сырья.

В 1913 для переработки на краску начал добычу охры на Равдсуо частный предприниматель, построивший в деревне Дворец небольшой красочный завод, на котором выделялись три вида краски: охра, сурик, мумия. Обработка сырья сводилась к сушке и измельчению материала. В 1915–1917 месторождение разрабатывал инженер Рейхманберг для нужд судостроительного завода в Петрограде. При Рейхманберге завод поставлял краски более, чем десяти разновидностей. В 1917 из местных крестьян была организована артель, которая перерабатывала отложения охры в полировочный материал для оптической промышленности. Сырье измельчали, сушили и обжигали в специальной двухъярусной печи. Предприятие было очень небольшим. В 1920–1921 артель доставила в Москву около пяти тонн краски. В послереволюционные годы местными охрами интересовались военные предприятия.

В 1913 курорты России посетило около 200 тысяч человек. До войны русские вывозили около 200 миллионов рублей в год на западные курорты. С началом Первой мировой войны выезд за границу был закрыт, пришлось изыскивать свои возможности лечить на водах раненых и больных солдат. Барон Н. В. Остен-Дризен «под влиянием ужасов пережитых русскими в 1914 за границей» организовал Всероссийское общество для развития и усовершенствования русских лечебных местностей.

Меняется в предреволюционные годы и идеология курортного дела: главной его целью объявляется «не обогащение владельцев, а восстановление здоровья и работоспособности массового населения». В 1915 открылся III съезд, посвященный улучшению отечественного курортного дела, были намечены меры для его оживления. Русский Север стал объектом пристального внимания специалистов, которые стали инвентаризировать забытые источники и традиции лечения. На Севере такие традиции были. Так, в 1841 по распоряжению министра финансов Е. Ф. Канкрин в Леденске,

где имелись соляные источники, были поставлены две ванны и назначен постоянный врач. К 1895 здесь уже был курорт. Грязовецкие источники во второй половине XIX века стали использоваться для теплых ванн. Во многих районах Севера преобладали соляные источники; как и старорусские воды, они издавна использовались для лечения кожных заболеваний, развозились в бочках и, разогретые горячими камнями, превращались в лечебные ванны.

Интерес к северным источникам был отчасти связан с их близостью к столице и отдаленностью от театра военных действий. Уже в годы войны местное земство попыталось организовать курорт в Серегово в Зырянском крае, а с 1927 Коми исполком приступил к строительству специального здания. В 1923 был основан курорт в Сольвычегодске Архангельской области – как бальнеогрязевой, с использованием минеральной воды и грязей. По инициативе художника А. А. Борисова в 1922 (вероятно, первый в советскую эпоху) был открыт крохотный курорт Солони́ха в Северо-Двинском уезде, где ванны для лечения устроили из дерева, а посетителей размещали по крестьянским избам. В годы Первой мировой войны обратили внимание на лечебные купания на Белом море и предложили использовать в целебных целях Кую, Мудьюг, Неноксу, Сюзьму, Пертоминский монастырь.

Революция и наступившая международная изоляция страны, а также низкий уровень доходов закрыли для подавляющего большинства населения возможности лечения как на зарубежных водах, так и на своих южных, что еще более обострило проблемы организации местных санаториев и курортов. Пролетарскому сознанию были глубоко чужды «капиталистические западные курорты», где лечебные мероприятия, как писал один из представителей Наркомздрава Карелии, «превращаются в места стечения власть имущих, ищущих не здоровья, а разгульной жизни, приключений». В этом организаторы советской курортной сети усматривали «кризис западных курортов». В начале 1930-х, подводя идеологическую базу под представление о советском курорте, нар-

ком здравоохранения АКССР А. Н. Лебедев предлагал в первую очередь использовать курортное лечение для рабочего класса, численность которого в Карелии увеличивалась вместе с ростом населения города Петрозаводска, числа промышленных предприятий, строительством Беломоро-Балтийского канала и комбината при нем. Санаторно-курортная помощь в Карелии ограничивалась закупкой курортных мест в других регионах страны. В приведенных А. Н. Лебедевым данных о числе прошедших курс лечения в 1932 году из 334 человек 228 были рабочими, 106 – служащими (такое соотношение можно объяснить тем, что в этот период служащие были самой многочисленной социальной группой горожан и составляли 30% от городского населения). Затраты на курорты в этом году составили 84 796 руб. Путевки закупались прежде всего в Ленинградскую область и в значительно меньшей степени – во всесоюзные здравницы. В следующем году Наркомздрав предполагал, «исправившись», 90% из общего числа мест во всесоюзные здравницы отдать рабочим, а на свои базы отдыха – до 80%. В 1933 Наркомздрав впервые закупал путевки для иностранных рабочих (финнов-мигрантов). Именно в эти годы складывалась распределительная система в лечении по путевкам (прежде всего через Наркомздрав).

Местами для размещения «своих» небольших домов отдыха стали к началу 1930-х ближайшие окрестности Петрозаводска и Кончезера. В этом районе с живописнейшей озерно-речной системой в 25 км от Петрозаводска появился к 1930 небольшой (на 150–160 человек) дом отдыха «Маткачи», предназначенный «для обслуживания небольшого круга партийного и советского актива» (позже – Шуйская Чупа). К 1934, благодаря организации физико-терапевтической лечебницы и повышению уровня медицинского обслуживания дом отдыха по существу превратился в санаторий, где проходили лечение зимой до 80, а летом – до 100 человек. При доме отдыха имелся подсобный совхоз (как писал директор, «быстро вырастающий в показательный»). Естественно, что доставка на базу марциальной воды и лечебных грязей не

была проблемой, тем более что над деятельностью физико-терапевтической лечебницы взял шефство Институт курортологии. В 1935 встал вопрос о расширении водолечебницы и превращении дома отдыха в санаторий для лечения нервных заболеваний, так как для данного контингента, т. е. для ответственных работников, как подчеркивали врачи, особенно характерно «утомление и даже истощение нервной системы». Предлагалось увеличить на 120–130 человек прием пациентов, для чего произвести новые строительные работы. 17 сентября 1935 СНК АКССР постановил считать, что «Маткачи» имеют все условия для постепенного превращения в санаторий, так как применяют такие методы как электро-, водо- и грязелечение. Наркомздраву и Каргосплану предлагалось изыскать средства на 1936 год на постройку двух домов (клуба и столовой), проведение водопровода и канализации, усиление мощности электростанции, расширение подсобного хозяйства. Таким образом, один санаторий с использованием марциальных вод к 1935 уже функционировал и использовал все местные возможности: хорошее питание из подсобного колхоза, минеральные воды, грязи и современные методы лечения. С середины 1930-х он улучшил бытовые условия, расширил сферу культурно-развлекательных услуг.

Действительно, работа ответственных партийцев отличалась большой напряженностью, но труд номенклатуры компенсировался привилегиями и льготами, она широко пользовалась дачами, поездками в санатории и на курорты. Наличие этих привилегий тщательно скрывалось. С конца 1920-х для ответственных работников ввелась система обеспечения путевками на южные курорты страны. С 1928 путевки выделялись по специальным запросам через Ленинградское управление курортами – в основном в Крым и на Кавказ, а также в санатории в окрестностях Ленинграда и в Старую Руссу.

В 1918 курорты были переданы Народному комиссариату здравоохранения, 20 марта 1919 В. И. Ленин подписал декрет «О лечебных местностях», а в 1921 – «О домах отдыха». Пер-

вый дом отдыха для рабочих был открыт в особняке Половцева на Каменном острове, затем – под Москвой. В 1923 на 39-ом бальнеологическом конгрессе в Аахене представитель СССР – известный курортный деятель Н. И. Тезяков – заявил, что «страна наша пока бедна ... но в будущем ее курорты займут видное место среди курортов Европы». В 1920–1930-е многочисленные экспедиции разведали и описали около 4000 источников, 700 месторождений грязей и 450 климатических районов. Предполагалось начать исследования и в Карелии. Уже в 1925 году в республике был построен первый в крае климатический санаторий – по финляндскому образцу – в поселке имени Дзержинского в Медвежьей Горе. Медвежья Гора должна была стать образцовым городом-садом при Колонизационном отделе Мурманской железной дороги, наличие в этом городе здравницы дополняло картину идеального города. Здравница предназначалась для лечения туберкулеза – одного из самых распространенных заболеваний в рабочих поселках. Санаторий расположился в здоровом сухом месте на живописных сосновых холмах. На Пятом Всесоюзном съезде по курортному делу делегат из Вологды доктор П. А. Кадников высказал мнение, что многим больным лучше лечиться в тех климатических условиях, к которым привык организм, а Север имеет давние традиции... В 1929–1930 в санаториях побывало 10 жителей Карелии, в 1931 – 15. В 1929 на лечение было выделено 2000 рублей, в 1930 – 3000. На курортное и санаторное лечение красных партизан, красноармейцев и активных участников гражданской войны в 1930 было выделено 2500 рублей.

В 1926 Бородинская биологическая станция Ленинградского Общества естествоиспытателей заключила договор с правительством Э. Гюллинга о проведении в республике исследований водоемов. Местом базирования станции стало Кончезеро (старые строения горнозаводского ведомства). В качестве главного объекта исследований ученые выбрали Кончезерскую озерную группу, примыкающую к Петрозаводской губе Онежского озера. С 1926 станция взаимодей-

ствовала с Онежской экспедицией Гидрологического института. Одной из проблем, которые разрабатывала группа, стало озерное рудообразование (в прошлом озерная система была богата рудоносными пластами). Возврат к теме озерной руды характерен для исследовательских программ 1920–1930-х годов в связи с попытками восстановить некоторые дореволюционные металлургические предприятия на базе традиционных запасов железа. Попутно в планах работ станции возникли и другие темы, небезыңтересные, как полагали ученые, для Наркомздрава, а именно: детальное изучение минеральных источников и грязей (микрофлора, химический состав), проблемы железа в водоемах с последствиями для их использования в промышленных целях, образование минеральных красок, содержащих железо (охры, мумии, умбры). Группа старалась связать свои научные поиски с задачами индустриализации АКССР. Уже в 1927 предлагалось снова начать разработки красок в долине источника марциальных вод. Но особенно интересовали ученых минеральные воды и последующее восстановление их лечебного использования, так как «оно было заглушено намеренно и несомненно должно будет возродиться». Исследователи (группа микробиолога Б. В. Перфильева) полагали, что возможно использование в лечебных целях грязей Габозера. Иловые отложения этого озера привлекли внимание еще в 1911 году. Таким образом, эта исследовательская группа вернулась ко всему тому, чем было богато болото Равдсуо в петровскую эпоху – к руде, краске, минеральной воде. Исследования лечебных факторов для предполагаемого курорта затянулись на долгие годы, в них приняли участие разные учреждения – как местные, так и столичные. Бородинская биологическая станция (основана в 1895) была в середине 1920-х годов по сути единственным научным учреждением в республике. В 1930-е годы на станции находилось от семи до десяти научных сотрудников. Группа работала на территории Карелии только летом, обобщая полученные данные в Ленинграде.

В 1927 исследования проводил Томилов, в 1931 – Косман, в 1930 – профессор Ремизов. В этом же году было принято решение Наркомата СНК о детальном изучении железистых источников. Исследователи согласились с мнением бывшего начальника Олонецких горных заводов Р. А. Армстронга о том, что процесс образования минеральной воды связан с присутствием углистых пиритизированных сланцев. Использование разных методик анализа привело к противоречивым выводам об истинном химическом составе источников. С выводами доктора Ремизова не согласились его коллеги.

В 1932 по просьбе Наркомздрава КАССР гидрогеологический сектор Центрального научно-исследовательского геолого-разведочного института командировал для исследования вод профессора Н. Н. Славянова.

Однако, видимо, для окончательного решения о начале строительства по согласованию с Э. Гюллингом было предложено пригласить для консультаций немецкого бальнеоклиматолога профессора Берлинского университета Адольфа Бикеля. С начала XX века большой известностью пользовалась лаборатория бальнеофизиологии в Берлине. Профессор особенно интересовался железистыми источниками и в конце 1920-х – начале 1930-х годов совершил несколько поездок на Кавказ (в том числе и в Боржоми). В 1932 Бикель участвовал в научно-исследовательской экспедиции по южному Уралу, откуда и прибыл в Карелию. После знакомства с результатами исследований он высказал мнение, что марциальные воды относятся к таким минеральным водам, эксплуатация которых должна себя оправдать (он рекомендовал произвести каптаж марциальноводского источника как содержащего большой процент железа без предварительного изучения – «хотя бы с некоторым риском»). Указал ученый и на значительную загрязненность источника поверхностными водами.

Бикель высказал интересные идеи и по поводу самого строительства. Прежде всего он предложил разместить курорт не слева от дороги (где он находится в настоящее вре-

мя), а справа, на холме за болотом, где курортный комплекс эффектно возвышался бы над низиной и всегда имел солнечное освещение. Курорт, по мнению профессора, должен быть обеспечен водой, канализацией и электричеством – для этого необходимо построить электростанцию; в состав курорта должны войти курзал и санаторий. Курзал, по мнению Бикеля, необходимо построить на месте деревни у главной дороги. Питьевой павильон – аркадного типа галерея, в центре которой будет размещен бювет, – должен соединяться с ванным зданием и зданиями различных служб. Все здания будут каменными, за исключением столовой, и будут построены так, чтобы их можно было достраивать и расширять – по типу отдельных павильонов-шалей, помимо зимнего каменного здания в центре. Бикель даже предложил свое видение особенностей архитектуры будущего курорта – обязательно с учетом традиций местной архитектуры, исторического прошлого источника. В его рисунке для питьевой галереи используются мотивы балясиновидного обрамления Марциальноводской церкви и церковного купола. Церковь Бикель предложил непременно сохранить, отреставрировать и использовать под столовую: он видел, как советская власть использует культовые постройки (в Петрозаводске собор также был отдан под столовую), и его предложение можно рассматривать как компромиссное.

Советские исследователи в 1934 подвергли критике почти все предложения Бикеля: делать каптаж без исследований рискованно, в «условиях советского планового хозяйства производство дорогостоящих каптажных работ над ценными минеральными источниками без предварительного тщательного ... изучения их ... совершенно недопустимо». Предложение А. Бикеля о строительстве курорта на другой стороне дороги, на северо-восточном склоне, с параллельным осушением болота, и вовсе было принято в штыки. Осушение болота сочли рискованным для источников. Нарком здравоохранения А. Н. Лебедев посчитал северо-восточный склон менее благоприятным для строительства с точки зрения микро-

климата (хотя микроклиматическими условиями к этому времени не занимались). Кроме того, при такой планировке, дорогу пришлось бы строить через болото.

Курорт предложили расположить на западном склоне, слева от дороги. В состав курортного городка должны были войти один-два корпуса, водолечебница, солярий, айрарий, поликлиника, вспомогательные службы. Очень весомыми выглядели лечебные факторы: источники минеральной воды высокого качества (3), и габозерская грязь. Габозерскую грязь впервые применили в 1933 в Петрозаводской физико-терапевтической лечебнице, позже был выявлен ее физико-химический состав. Предлагалось использовать в лечении и местную охру. Исследователи приводили в пример немецкие курорты, где в ванны добавляли охру в таблетках. Зельцфельдский железистый источник (Германия) славился так называемым «горным маслом» из охры, а более высокие качества марциальной воды позволяли и тут рассчитывать на успех. В рекомендациях докторов значились также развлечения, физкультура, туризм, для развития которого очень удачным оказалось соседство водопада Кивач, куда устремлялось все больше приезжающих. В 1933 в церкви Апостола Петра собирались открыть исторический и антирелигиозный музей, а в доме горного ведомства – курортный музей.

В 1933 по заданию Наркомздрава АКССР Государственный центральный институт курортологии послал экспедицию для гидрогеологического и физико-химического исследования воды. Работы были поручены горному инженеру-гидрогеологу В. В. Иванову и химику Е. В. Ренгартену. Были заложены каптажные скважины, которые дали воду с разным содержанием железа. В 1933 был поставлен вопрос о создании курорта союзного значения. Вот какое торжественное заключение по этому поводу сделал нарком здравоохранения: «Старая “Калевала” примет новую форму и воспоеет карельские курорты и их творцов, коммунистическую партию и страну Советов». В 1935–1936 республика, как и вся страна, жила в ожидании больших перемен, «Мечта становится

явью» – примерно так можно было выразить эти ожидания. При обсуждении проекта новой Конституции было – среди многих других – высказано предложение о равном праве на отдых не только для рабочих и служащих, но и колхозников (в курортной статистике того времени их нет, оплачиваемые отпуска им не полагались).

Следующим этапом в изучении источников должны были стать испытания «на людях».

С 1933 работы по клиническому использованию воды были переданы Ленинградскому Институту усовершенствования врачей – клинике профессора Ловцкого, который продолжил изучение до конца 1930-х. Именно ленинградские здравницы в этот период были наиболее посещаемы жителями Карелии. В январе 1934, например, Наркомздрав закупил девять путевок в Сестрорецк (четыре – для служащих, пять – для рабочих, истратив 360 руб. на служащих и 300 на рабочих)

В 1937–1938 в результате репрессий почти полностью сменилось руководство республики (среди расстрелянных руководителей был и председатель СНК Э. Гюллинг), а новые власти вернулись к проблеме курорта только перед самой Великой Отечественной войной.

В результате войны с Финляндией к Карелии отошли территории, на которых было несколько финляндских курортных местностей в Северном Приладожье, прежде всего район Сортавала, где был открыт климатический курорт для лечения туберкулезных больных (позже здесь посредством бурения были выведены родоновые минеральные воды низкой минерализации).

В 1940 Совет народных комиссаров КФССР принял решение об организации Управления курортами и санаториями Наркомздрава республики, видимо, в связи с новыми территориальными приобретениями республики. 28 декабря 1940 было принято еще одно постановление – о восстановлении в лечебных целях источника марциальных вод. Район источника с прилегающей к нему территорией был объявлен охраняемой зоной, предлагалось немедленно приступить к работам по его

восстановлению. На территории деревни Дворцы в 1929 проживало 26 человек и имелось три крестьянских хозяйства, к 1934 жителей было 20 человек. Предполагалось после обозначения границ охраняемой территории запретить без особого разрешения Наркомздрава КФССР любого рода хозяйственную деятельность на ней и в районе Габозера. На 1941 планировалось выделить 120 тысяч рублей – за счет экономии по смете Наркомздрава – на строительство курорта. Организаторы хотели также как можно скорее наладить разлив газированной марциальной воды, чтобы вывозить ее за пределы республики. К сожалению, неизвестно, какими были результаты клинических исследований и имелись ли столь же сенсационные излечения, как в начале истории марциальноводского курорта. В 1948 была сделана попытка устроить завод по разливу марциальной воды и был выполнен его проект.

В послевоенные годы республике было не до курортов, и, как всегда, в таких случаях потребовалась инициатива «снизу»: в июле 1954 республиканский Комитет профсоюза рабочих лесной и бумажной промышленности возбудил перед ВЦСПС ходатайство о строительстве курорта, а в 1955 правительство Карелии вошло с предложением о начале строительства в Совет Министров СССР.

В эти же годы в Карелии функционирует так называемая Курортная контора, которая занимается приобретением и распределением путевок на курорты страны. С 1955 курортное обслуживание, наконец, предлагают и колхозникам.

В 1956 врач С. А. Вишневский, в 1930-е годы работавший в физико-терапевтической лечебнице, как бы подвел итог многолетним исследованиям воды и габозерской грязи, представив в качестве основных лечебных факторов воды трех источников (с разным содержанием железа), габозерские грязи, а также – в перспективе – запасы местной охры.

Главная ценность марциальной воды – в высокой концентрации активного (двухвалентного) железа, количество которого значительно больше, чем в заграничных и российских источниках (от 17 до 95 миллиграммов в литре). По этому

показателю марциальные воды не имеют себе равных в мире. Помимо железа, исследования выявили натрий, калий, магний, кальций и мышьяк. Общий дебит воды в пробуренных в 1950-е скважин составлял 337 литров в сутки. Очень высокое содержание железа и большой дебит воды поставили марциальные воды на одно из первых мест среди железистых вод страны. Клинические исследования установили, что эти воды укрепляют иммунитет и способствуют общему оздоровлению организма, влияют на секрецию пищеварительных органов и улучшают аппетит, повышают содержание гемоглобина. Воды рекомендуются при некоторых заболеваниях крови, желудка, печени, почек, болезнях обмена веществ. Но прежде всего марциальные воды эффективны при малокровии и скрытом дефиците железа. Другим лечебным фактором курорта являются высококачественные лечебные грязи озера Габозера. Габозерские грязи обладают значительным содержанием сероводорода, высокой пластичностью и влагоемкостью, они применяются для лечения заболеваний периферийной нервной системы, органов движения и гинекологических заболеваний. Запасы грязи определяются в количестве до 40 тысяч кубометров.

В 1956 начались изыскательские работы и работы по проектному заданию. Место для строительства выбирала специальная комиссия, разработку проекта поручили мастерской Курортсанпроект.

В 1958 началась реализация проекта, разработанного Ленинградским территориальным управлением курортов, санаториев и домов отдыха. Проект этого периода был решен в «экономичном» стиле 1960-х годов, без учета исторического прошлого марциальных вод. Стандартный, корпус с расположенными «по-больничному» комнатами, к сожалению, не стал достойным завершением долгого пути к карельскому курорту. Предусмотрены были водолечебницы, грязелечебницы, кабинеты лечебной физкультуры и прочие современные подразделения. В 1963 первая очередь курорта Марциальные воды была завершена. Помимо лечебных зданий, были

построены жилые корпуса для работников. Первым главным врачом курорта стала Ф. Козицына. Первым из жителей Карелии путевку в санаторий получил тракторист Надвоицкого леспромхоза В. Ф. Копылов.

Со временем марциальная вода и лечебные грязи стали доставляться и в другие лечебные учреждения и здравницы, в том числе для открывшихся поблизости профилактория и детского санатория «Кивач». Цех бутылочного разлива вод с газированием организован не был – при таком разливе вода быстро теряет лечебные свойства. В 1965 бывшая деревня Дворцы была переименована в курортный поселок Марциальные Воды с административным подчинением городу Петрозаводску. Санаторий был подчинен Ленинградскому территориальному совету по управлению курортами профсоюзов.

За первые 15 лет работы курорт принял свыше 50 тысяч пациентов. Лишь к 1979 был построен дом для персонала и улучшились возможности расширить круг пациентов, принимая приезжающих лечиться «по курсовкам». В начальный период функционирования курорта показания для направления больных на курорт «вырабатывались в основном эмпирически». В разработку научно-обоснованных подходов в использовании лечебных факторов свой вклад внесли С. А. Вишневский, Н. Д. Цаль – сотрудники медицинского факультета Петрозаводского университета.

Вторая очередь санатория была введена в строй в 1970–1980-е годы. Улучшились условия отдыха, появились более совершенные грязелечебница, бассейн, было открыто реабилитационное отделение для больных ишемией. С 1988 Петрозаводский университет стал проводить планомерные исследования по изучению механизмов воздействия минеральной воды.

БИБЛИОГРАФИЯ

Балагуров Я. А. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов (Первая половина XVIII века). Петрозаводск, 1955.

Белявский Ф. Описание минеральных вод естественных и искусственных, составленное из сочинений лучших новейших писателей для врачующих и врачующихся. М., 1834.

Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-й год. Ч. 2. М., 1902. Ч. 3. М., 1903.

Беспятых Ю. Н., Коваленко М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988.

Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779.

Бройтман Н. И. Петр I в Нижней Саксонии // Петербургские чтения 98–99. СПб., 1999.

Васильевский А. П. Очерк по истории металлургии Олонецкого края. Петрозаводск, 1949.

Вишневский С. А. Лечебные местности Карелии. Петрозаводск, 1957.

Воробьев А., Белоглазов И. Н., Кен Н. А. Государев указ. М., 2001.

История Свейской войны. Т. 1–2. М. 2004.

Глаголева А. П. Олонецкие металлургические заводы при Петре // Исторические записки. 1950. № 35.

Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957.

Голиков И. Деяния Петра Великого. Т. VI. 1838.

Дневник камер-юнкера Берхгольца. Т. 1–2. СПб., 1821–1823.

Дубицкий И. Еще о Петре Великом как первом русском бальнеологе // Журнал общепользных сведений. 1859. № 5.

Евдокимов А. А. Курорты в Северном краю // Хозяйство Севера. 1934. № 4. Архангельск.

Жизнеописание генерала-лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов. // Горный журнал. 1826. Кн. 1–4.

Записки Вебера о Петре Великом // Русский архив. 1872. № 7, 8.

Записки графа Бассевича, служившие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Русский архив. М., 1868.

Змеев Л. Ф. Былое врачебной России. СПб., 1890.

Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце. Петрозаводск, 1873.

Игнатий (Семенов). Воспоминания о пришествиях Петра Первого в Олонец. СПб., 1849.

История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862.

Капуста Л. И. Роль В. И. Геннина в строительстве первого русского курорта // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск, Кондопога, 2000.

Кошева З. И., Логачева Л. Е. Северные здравницы. Архангельск, 1984.

Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Крюгер А. Самодеятельный театр при Петре I // Старинные спектакли в России. Л., 1928.

Лечебные местности Карелии. Под ред. М. Д. Тушинского и С. А. Вишневого. Л., 1935.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко В. Н. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.

Мегорский В. П. Олонецкие марциальные воды при Петре Великом // Вестник общества ревнителей истории. Вып. 2. Птг., 1915. С. 119–126.

Мильман А. В. Начало промышленного производства серебра и свинца в России // Цветные металлы. 1989. № 4.

Мирский М. Б. Медицина в России XVI–XIX веков. М., 1996.

Михайлов В. Зимние дворцы Петра I. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002.

Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце, а от каких болезней, и как при том употреблении поступать, тому дохтурское определение, так же и указ его Царского Величества на оные дохтурские правила, и оное все следует ниже сего. СПб., 1719.

Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.

Олонецкий патерик, или Сказания о жизни, подвигах и чудесах просветителей и подвижниках олонецких. Составил архимандрит Никодим. Петрозаводск, 1900.

Оппенгейм. Сорок лет советских курортов. М., 1957.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.

Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007.

Пашков А. М., Пигин А. В. Предисловие // Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016.

Кротов П. А., Пашков А. М., Пигин А. В. Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска

// Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №1 (154).

Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом Т. 1. СПб., 1782.

Письма и бумаги Петра Великого. СПб., М., 1887–1979, в 12 т. Т. 12.

Походные журналы А. Д. Меньшикова. М., 2004.

Походный журнал 1717. СПб., 1856.

Походный журнал 1719. СПб., 1855.

Походный журнал 1720. СПб., 1855.

Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга.

Рабинович П. Л. Олонецкие марциальные воды (Первый курорт в России) // Советское здравоохранение. 1946. № 9–10.

Рихтер В. История медицины в России. Т. 1. СПб., 1820.

Самойлов Н. Петр Великий на Марциальных водах. СПб., 1852.

Семевский М. И. Царица Прасковья. Очерк из русской истории XVIII века. Л., 1991.

Семенова Л. Н. Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982.

Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998.

Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.

Сидоров М. Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб., 1872.

Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883.

Чудинов И. К. Олонецкие марциальные воды // Олонецкие губернские ведомости. 1857. № 43–48, 1858, № 1, 2, 4, 5, 16, 17.

Шутки и потехи Петра Великого // Русская старина. 1872. № 6.

Юст Ю. Записки датского посланника при Петре Великом. М., 1900.

Яковлев М., Аникин И. Л., Трохачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12.

Bohumir Mraz, Ladislav Neubert. Karlovy Vary. Praha, 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Кончезерский завод в XVIII веке	7
Открытие источника марциальной воды.....	25
Целебные источники в народной медицине и верованиях	30
Болезнь Петра I и его лечение на курортах Европы.....	32
Исследование Кончезерского источника	39
Первые курортники.....	50
Другие открытия лечебных источников в Петровскую эпоху.....	58
Петр I на Олонецких марциальных водах	60
Последняя поездка на север.....	83
Дворцы.....	88
Купоросный завод	103
Исследования марциальных вод в послепетровский период	106
Марциальные воды в XX веке.....	111
Библиография.....	125